

Антарктида: четвертый рейх

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Богдан Иванович Сушинский

Антарктида: Четвертый рейх

Серия «Секретный фарватер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239202

*Сушинский Б.И. Антарктида : Четвертый рейх: ООО «Издательский дом «Вече»; Москва; 2008
ISBN 978-5-4444-8282-7, 978-5-9533-2507-3*

Аннотация

Новый военно-приключенческий роман-версия «Антарктида: Четвертый рейх» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени Александра Дюма (1993 год) Богдана Сушинского посвящен событиям 1939–1943 годов.

В основу сюжета положены исторические факты, связанные с версией о закладке таинственной военной базы германских войск в Антарктиде, о создании там Четвертого рейха, именуемого в романе Рейх-Атлантидой, который, по некоторым данным, существует и поныне; и о создании германскими учеными «летающих тарелок». Сотворение этой Рейх-Атлантиды проходило под патронатом личного агента фюрера по особым поручениям Отто Скорцени.

Содержание

1.	5
2.	15
3.	22
4.	36
5.	45
6.	54
7.	62
8.	76
9.	85
10.	93
11.	104
12.	112
13.	119
14.	133
15.	161
16.	185
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Богдан Сушинский

Антарктида:

Четвертый рейх

© Сушинский Б.И., 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

* * *

1.

Замок Викингбург, одиноко возвышавшийся на западной оконечности скалистого мыса, казался мрачным и призрачно нелюдимым. И трудно было поверить, что когда-то у стен его раздавался призывный клич боевых труб, а звон мечей поминально растворялся в стенаниях отчаявшихся защитников и проклятиях воинствующих пришельцев.

Еще недавно большая часть Викингбурга покоилась в замшелых руинах, но буквально месяц назад, возрожденный из небытия трудом сотен военнопленных, замок превратился в северную резиденцию главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала Карла Деница и пристанище Арктического отдела Главного управления имперской безопасности¹ Того особого, абсолютно засекреченного отдела, чья деятельность оставалась тайной даже для большинства подчиненных обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера.

И только очень узкий круг лиц знал, что и Арктический отдел, подчинявшийся теперь уже непосредственно Отделу

¹ В подчинении начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера находились Управление зарубежной разведки СД, полиция безопасности (гестапо), служба безопасности СС (СД) и другие управления и службы, в том числе отдел диверсий, возглавляемый в 1943 году личным агентом фюрера по особым поручениям гауптштурмфюрером СС Отто Скорцени.

диверсий Управления зарубежной разведки СД во главе с Отто Скорцени, и северная резиденция гросс-адмирала Деница – служили всего лишь прикрытием той организации, которая стала истинным хозяином замка. А все дело в том, что с недавних пор в замке Викингбург обосновался секретный штаб соединения подводных лодок «Конвой фюрера», одновременно являвшийся и штабом операции «Рейх-Атлантида».

Что же касается Арктического отдела, то деятельность его действительно была строго засекречена, однако люди его, во главе с оберштурмбаннфюрером СС Николасом Лигвицем, занимались всего лишь обеспечением безопасности тех, кто ведал поставками вооружения, продовольствия и всего прочего, что необходимо было для жизнеобеспечения «Базы-211». Не обладая никакой существенной информацией о подземном рейхе, они, в то же время, должны были делать все возможное, чтобы в рядах поставщиков не завелось вражеских агентов и предателей. А если же таковые объявятся, то чтобы они тоже не получили никакого представления о том, где именно, в какой части Антарктиды, «База-211» расположена и что она из себя в действительности представляет.

– Так вы уже видите их, мой гросс-адмирал? – уловил Дениц у себя за спиной прерывистое, с удушливой хрипотцой дыхание адъютанта Фридриха Наубе. Обычно так дышали моряки, значительную часть жизни своей проводившие в пропитанном потом и страхом чреве субмарины, и именно по

этому дыханию Деницу не раз удавалось выуживать отставных субмаринников среди прочего портового люда.

– Разве они уже подходят к бухте? – поежился на холодном октябрьском ветру главком Кригсмарине.

– Подходят, мой гросс-адмирал. Субмарина commodora Вилли Штауфа достигла Косы Утопленников и готовится к всплытию.

– Сколько их?

– Две «волчьи стаи», мой гросс-адмирал.

– Значит, еще две «волчьи стаи»... – едва заметно кивнул Дениц, величественно вскинув худощавый, под эспаньолку, заостренный подбородок.

Ему нравилось, что адъютант называет отряды подлодок именно так, как предпочитал называть он сам, – «волчьими стаями», а сами подлодки именовались в его штабе «серыми волками». И ничего, что его предшественник, гросс-адмирал Эрих Редер², терпеть не мог подобных определений, на корню пресекая всякое вольномыслие, всякое отступление

² Эрих Редер (1876–1960) – гросс-адмирал, командовавший в 1935–1943 годах германским флотом (Кригсмарине). В конце января 1943 подал в отставку после того, как Гитлер заявил, что прикажет сдать на металлолом все крупные надводные корабли, поскольку полностью разочарован действиями надводного флота. До конца войны Редер сохранял за собой лишь почетный пост генерального инспектора флота. В мае 1945 года, в качестве военнопленного оказался в Москве, а осенью этого же года приговорен Нюрнбергским трибуналом к пожизненному тюремному заключению, хотя просил заменить его расстрелом. В январе 1955 года освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья. Подражая фюреру, описал свой жизненный путь и изложил свои взгляды в книге «Моя жизнь».

от устава и общепринятой терминологии³.

Несмотря на его полнейшее невосприятие, Дениц упорно настаивал, чтобы против англо-американских конвоев подводники его действовали постоянными отрядами в пять субмарин, предпочитая называть эти отряды «волчьими стаями». Причем от капитанов он и в самом деле требовал знания повадок вышедшей на охоту волчьей стаи.

– Да, еще две, мой гросс-адмирал, – подтвердил Наубе, зная, как это важно сейчас для Деница – осознавать, что три «стаи» уже вернулись от берегов Антарктиды.

– Не исключено, что завтра фюрер тоже прибудет в «Викингбург», чтобы лично выслушать доклад commodore Вилли Штауфа об очередной экспедиции в Новую Швабию⁴.

– И вы доложите ему, что три наши стаи не потеряли ни одной субмарины. По крайней мере, из тех, которым приказано прибыть в рейх. Тем, что рейдируют сейчас у берегов

³ О Редере его сослуживцы отзывались как о педанте с гипертрофированным чувством преданности офицерскому кодексу чести и уставу. Его не любили за склонность к мелочным и неуместным придирам, в том числе и по отношению к женам офицеров, которым он специальным приказом запрещал носить короткие юбки, стричь волосы и красить ногти.

⁴ Новой Швабией высшее руководство рейха называло территорию Антарктиды в районе Земли Королевы Мод (название «Земля Королевы Мод» стало официальным только в 1957 году), разведанную пилотами германских гидросамолетов и обозначенную ими специальными вымпелами. Решением фюрера Новая Швабия была объявлена административной частью Третьего рейха. Именно на этой территории Гитлер решил заложить основы сотворения Четвертого рейха, в котором предполагалось взрастить новую расу арийцев.

Антарктиды, конечно же, приходится сложнее⁵.

Услышав это, Дениц побряхтел и сипловатым голосом субмаринника произнес:

– Вот только докладывать ему по поводу Новой Швабии становится почему-то все труднее. Почему-то...

– Может быть, потому, – приподнялся на носках Фридрих Наубе (он всегда приподнимался так, когда хотел сообщить что-то важное: возможно, считал, что для такого сообщения его небольшого росточка субмаринника недостаточно) – что, потеряв надежду сохранить рейх в Германии, он точно так же теряет надежду на то, что удастся создать новый рейх в Антарктиде.

– Смелое предположение, капитан-лейтенант, смелое. Когда в СД решат, что вас пора вздернуть, наблюдать за казнью я буду с чувством гордости за своего адъютанта. Как вам такая шутка, мой капитан-лейтенант?

– Главное, что вы будете присутствовать при этом, – кротко ответил Наубе, и по тому, как чувственно взглотнул он подступивший к горлу комок, гросс-адмирал понял, что сказано это искренне.

Искренность и преданность – вот то, что пятидесятидвух-

⁵ Всего в «Конвое фюрера» (или «Фюрер-конвое») в разное время насчитывалось от 20 до 35 (к 1944 году) субмарин. Часть из них рейдировала у берегов Новой Швабии, перехватывая подлодки и надводные корабли противника; часть – использовалась для переброски людей и грузов из Германии в Антарктиду. Восемь субмарин этого типа по своим размерам были значительно больше обычных боевых подлодок и имели специальные отсеки для грузов и пассажиров.

летний гросс-адмирал ценил в этом офицере-субмариннике, с которым судьба свела его еще в июне 1935 года. В том июне, когда Гитлер назначил его, недавно произведенного во фрегаттен-капитаны и в недалеком прошлом командира легкого крейсера «Эмден»⁶, на неизвестную доселе во флоте должность – фюрер подводных лодок⁷, вступив в которую, Дениц принял командование 1-й подводной флотилией рейха.

Со временем он сменил много всяких флотских должностей и чинов, но неизменно считал себя именно тем, кем пожелал видеть его вождь нации, – фюрером подводного флота.

Это сейчас наличие большой стаи субмарин воспринимается в рейхе как нечто само собой разумеющееся, а тогда, в феврале 1935-го, Гитлеру понадобилось немало мужества и политической воли, чтобы, вопреки статьям Версальского договора, отдать приказ об их строительстве и при этом открыто заявить, что он намерен создать полноценный подводный флот. И пусть его 1-я флотилия насчитывала всего

⁶ Командиром крейсера «Эмден» фрегаттен-капитан Карл Дениц был назначен в 1934 году, сразу после того, как вернулся из Англии, куда был командирован для совершенствования своего английского языка.

⁷ Исторический факт. Фюрером подводных лодок Дениц был назначен 8 июня 1935 года, после того, как Гитлер уже не пытался скрывать своего намерения создать мощный подводный флот, который бы значительно опережал флот любой другой страны. До конца дней своих – а умер он в декабре 1980 года в возрасте 89 лет – Дениц гордился тем, что находился у истоков создания германского подводного флота.

одиннадцать небольших субмарин, но и это уже было вызовом всей германофобствующей Европе. Вот именно, германофобствующей!..

– Да, якорь им всем в брюхо, это было вызовом, – сипловато пробасил Дениц, вслух подытоживая свою мысленную экспедицию в прошлое.

– Пусть даже вызовом! – не раздумывая, поддержал его Фридрих Наубе. – Само существование рейха – уже вызов. Всем, кто не способен воспринять наше величие.

Дениц слегка поморщился: он не любил, когда вторгались в его «блуждания по собственному одиночеству», даже если это вторжение совершал тот, кому это было простительно. Впрочем, большую часть того пути, который предшествовал его коронации в gross-адмиралы, они с Фридрихом прошли вместе. И кто знает: возможно, этот некогда несостоявшийся фейерверкер теперь уже действительно способен угадывать сам ход его мыслей?

– Вы помните, как мы познакомились, Наубе? – спросил он, все еще стоя спиной к адъютанту.

– Помню. Но вы никогда не спрашивали об этом, мой gross-адмирал.

– Вы служили тогда артиллеристом на этой ржавой посудине, именуемой крейсером «Нимфе».

– На котором вы когда-то были штурманом. Что же касается меня, то, если позволите уточнить, мой gross-адмирал, я предстал перед вами всего лишь заряжающим дальнобой-

ного орудия, с трудом дослужившись до обер-фейерверкера⁸.

– Все же какой-никакой обер.

– Но даже оттуда меня пытались списать, поскольку для столь тяжелых снарядов я оказался слишком малого веса.

– А главное, никогда не отличались дисциплинированностью. Ваш послушной список...

– ...Вы же, мой гросс-адмирал, взошли на борт, – бесцеремонно перебил его Наубе, – чтобы поинтересоваться, остался ли на нем кто-либо из офицеров, с которыми вам пришлось «держат волну» в 1928-м.

– Именно так мы, старые моряки, и говорили: «держат волну», – простил ему нарушение субординации гросс-адмирал. – Для всякого молодого моремана высшей похвалой было: «Наконец-то ты держишь волну, парень!»

– А ведь со смыслом сказано, – с романтической грустинкой старого моряка произнес капитан-лейтенант.

– Да, так что там было дальше? – сухо вато вернул его к действительности главком Кригсмарине, не желая становиться свидетелем мнимого перевоплощения Наубе в морского волка.

Адъютант давно смирился со странной привычкой гросс-

⁸ Обер-фейерверкер – старший матрос корабельной артиллерии. В германском флоте корабельные артиллеристы имели свою, особую, шкалу чинов, отличавшуюся от шкалы остальных моряков. Однако чин обер-фейерверкера существовал в шкале чинов, действовавшей только до 1937 года. В 1937–1945 годы этот чин приобрел название «обер-маринеканонир».

адмирала – возрождать собственные воспоминания устами тех людей, с которыми его некогда сводила судьба. При этом главнокомандующий Кригсмарине сильно огорчился, когда заставлял своего собеседника врасплох и открывал для себя, что тот не в состоянии вспомнить какие-то детали давних событий, какие-то интересные подробности, которые сам он, Карл Дениц, прекрасно помнил, никогда не упуская случая как можно убедительнее продемонстрировать свойства своей памяти. Причем делал это в иронически-назидательном тоне.

– Узнав, что капитан цур зее⁹ полон решимости распрощаться со мной, списав в береговую артиллерию, вы заявили, что ведет он себя не по-флотски, потому что такие, как я, «могучие не телом, а духом германским» парни нужны сейчас подводному флоту.

– И сказано это было о вас, капитан-лейтенант, о тогда еще простом обер-фейерверкере. Могу сожалеть, что не нашлось человека, который бы сказал такие же слова обо мне. Я бы помнил их всю жизнь.

– Я тоже помню.

⁹ Чин капитана цур зее соответствует званию капитана первого ранга (полковника) в современном российском флоте. Если капитан цур зее находился на адмиральской должности, то он именовался коммодором. Соответственно фрегаттен-капитан приравняется к капитану второго ранга (подполковник), а корветтен-капитан – к капитану третьего ранга (майор). Далее, по нисходящей, следовали: капитан-лейтенант (армейский капитан); обер-лейтенант цур зее, то есть, в буквальном переводе, «старший лейтенант на море»; лейтенант цур зее.

– А в те дни своих будущих подводников я собирал по всему надводному флоту, по береговым батареям, пехотным частям и даже частям СА¹⁰. Для многих из них это стало определением всей их дальнейшей судьбы. Многие стали офицерами, некоторые давно командуют кораблями или служат в штабах соединений, – гросс-адмирал побряхтел, давая понять, что адъютант может продолжить свой рассказ, и Наубе тотчас же напомнил ему:

– ...А затем вы приказали своему адъютанту отвести меня к машине, чем очень обрадовали и командира крейсера, и явно невзлюбившего меня старшего артиллерийского офицера.

Капитан-лейтенант Наубе пытался сказать еще что-то, но, увидев перед собою поднятую вверх руку – что всегда означало одно и то же: «Не отвлекать!», – запнулся на полуслове.

¹⁰ СА – организация армейского типа, созданная в 1921 году как «Отряд обороны и пропаганды» Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП). Первичное название этой организации – «Штурмовое отделение», имеется в виду отделение НСДАП. Штурмовики-коричневорубашечники СА, как правило, не были вооружены, и основной их целью было – пропагандировать идеи национал-социализма, распространять нацистскую литературу, срывать пропагандистские мероприятия своих политических противников и охранять мероприятия НСДАП. Кстати, формированием СА по личному поручению Гитлера занимался морской офицер, лейтенант цур зее Ганс Клинциш.

2.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

Сообщение, которого барон фон Риттер так долго и с нетерпением ждал, поступило на рассвете.

– Господин капитан цур зее! – услышал он в телефонной трубке взволнованный голос вахтенного офицера. – Прямо по курсу – ледяное поле! Предполагаю, входим в зону пакового льда.

– «Предполагаю»! – проворчал капитан «Швабенланда», мгновенно стряхивая с себя остатки предутренней полудремы и поспешно одеваясь. Вот уже третью ночь подряд капитана изматывала бессонница: на мостике он грезил постелью, а, возвращаясь в свою каюту, впадал в то состояние, которое можно было характеризовать как полусонное-полуидиотское¹¹. – Здесь уже и предполагать нечего: подходим к

¹¹ Здесь освещаются исторические события, связанные с организованной по приказу Гитлера большой экспедицией к атлантическому побережью Антарктиды на специально обустроенном судне «Швабенланд» под командованием капитана Альфреда Ритшера (Рихтера, Ритше). Ледяного континента экспедиция достигла в январе 1939 года. В романе фамилия капитана как героя художественного произведения, по известным причинам, изменена. В течение какого-то периода действие романа будет развиваться в двух временных плоскостях: в конце 30-х годов и в 1943–1944 годах.

шельфовым ледникам Антарктиды. И прямо по курсу у нас – Берег Принцессы Астрид.

Прежде чем подняться на капитанский мостик, Альфред фон Риттер вышел на нижнюю палубу и остановился на открытой ее части, у самого бака. Льды Антарктики он, старый полярник, хотел видеть не через стекло капитанского мостика и окуляры бинокля, а вот так, почти на расстоянии вытянутой руки. В Антарктике он никогда раньше не был, и сейчас он хотел ощутить, воспринять ее всю, все ее естество: ее тишину, силу порывов ее ветра, красоту и озоновый запах побережья, ледящий душу холод ее континентального дыхания.

Судьбу полярника он, сын морского офицера и геолог по образованию, избрал, еще будучи студентом университета, когда во время летних каникул отправился в свою первую международную экспедицию на север Канады, на остров Элlef-Ринг нес. Затем были остров Принс-Патрик и мыс Колумбия на крайнем севере канадского острова Элсмир, а уже после окончания мореходной школы последовала зимовка на метеостанции, расположенной на гренландском мысе Моррис-Джесеп, которая едва не завершилась для него трагически. Вместе с таким же авантюристом, как и он сам, франко-канадцем Мишелем Олленом, они, вопреки решительному протесту начальника станции, отправились в поход к Северному полюсу, к которому от мыса Моррис-Джесеп действительно рукой подать.

Конечно же, это была чистейшей воды авантюра двух недоученных студентов, которые волею судеб оказались на метеостанции рядом с профессиональными метеорологами-полярниками. Специально к этой экспедиции они не готовились, она нигде не была зарегистрирована, рации для них тоже не нашлось, а посему рассчитывать на спасение не приходилось. Риттер до сих пор уверен, что жизнь ему спас его спутник Мишель – ценой своей собственной жизни.

На третьи сутки Мишель провидчески заболел, и Альфред еле дотащил его на санках назад, до метеостанции, где он вскоре и скончался. Но если бы не эта его болезнь, последовавшая за падением в расщелину, из которой Оллен только чудом выбрался, они, наверное, так вместе и погибли бы где-нибудь на подходе к полюсу, в лучшем случае – на обратном пути к метеостанции, куда он и так прибыл полуживым.

Вдобавок ко всему начальник станции, суровый англичанин, пригрозил выдавать самую отвратительную характеристику каждому, кто поинтересуется его, полярника Альфреда Риттера, качествами характера.

И, как вскоре выяснилось, слово свое сдержал. Вернувшись в Англию, он сразу же, в двух интервью, опубликованных в разных изданиях, «воздал должное авантюризму и крайней недисциплинированности своего юного германского коллеги, на совести которого навеки останется гибель столь же молодого и горячего канадского полярника француза Мишеля Оллена». А затем этот свой приговор старый

негодьяй слово в слово воспроизвел в трех собственных статьях. Точнее, во всех трех из тех, которые ему, Риттеру, стали известны. Но не было сомнения, что англичанин с нетерпением ждет, когда сможет высечь эти же слова, причем опять слово в слово, на его, барона фон Риттера, надгробии.

Да, Арктика преподнесла ему несколько очень суровых уроков, но, вместо того чтобы раскаяться в своих полярных страстях-странствиях и осесть где-нибудь в маленьком домике под Берлином, он начал фанатично рваться в Антарктиду. Убеждая себя при этом, что все его арктические мытарства – всего лишь прелюдия к настоящему, великому паломничеству в Антарктику. А поскольку уже после первой экспедиции Альфреду начала грезиться собственная, с запасом особой прочности построенная, арктическая яхта, добравшись на которой до южной оконечности Африки, он смог бы совершить затем экспедицию к атлантическому побережью Антарктиды, то, понятное дело, что ему еще и пришлось проходить штурманский курс мореходной школы.

Кстати, этот шаг отец его, суровый и напрочь лишенный каких-либо романтических бредней военный мореман, по-своему искренне приветствовал, заявив: «Наконец-то и у тебя, странствующего бездельника, появится настоящая мужская профессия».

– Просьба к командиру корабля капитану цур зее, – донесся из корабельного громкоговорителя голос вахтенного офицера, фрегаттен-капитана Теодора фон Готта, – срочно

поднимитесь, пожалуйста, на капитанский мостик! Дело, не терпящее отлагательства!

«Наш фрегаттен-капитан увидел впереди льды и запаниковал, решив, что я привел судно к концу земли, – поиграл желваками Риттер. – Еще немного, и он ввергнет в мистический ужас всю команду».

Риттер вновь взглянул на открывавшийся впереди горный массив. «Интересно, – подумал, – это уже материк или какой-то из прибрежных островов?»

– Повторяю: просьба к господину капитану цур зее... – все еще не мог уgomониться вахтенный офицер.

– Да иду, иду! – буквально прорычал фон Риттер, до глубины души возмущенный тем, как нагло фрегаттен-капитан вторгается в великосветскую интимность его личного знакомства с окутанным мистическими тайнами континентом. Хотя и понимал, что услышать его Теодор Готт не может.

Обращения фрегаттен-капитана абсолютно не встревожили его. Если бы произошло что-то чрезвычайное, Готт, опытный моряк, уже объявил бы общекорабельную тревогу и вызвал на палубу аварийную команду. Хотя что-то же его все-таки заставляет вызывать на мостик капитана судна.

«В любом случае, – сказал себе фон Риттер, все еще не торопясь прерывать свое первое тайное свидание с Антарктидой, хотя уже направлялся к трапу, ведущему на капитанский мостик, – погода, по антарктическим понятиям, стоит просто-таки чудная: мороз градусов десять, не больше, ни

ветра, ни волн. Черт возьми! Да ты, странствующий бездельник, совершенно забыл, что в Антарктике сейчас в разгаре лето. Курортный сезон на южной оконечности планеты!»

Белесый утренний туман развеивался, постепенно открывая капитану необозримое поле мелкого льда, под белой кольчугой которого улавливалось могучее, всепоглощающее дыхание океана. Барон фон Риттер не мог знать, как сложится эта экспедиция, но главной своей цели – ступить не берег Антарктиды – он, похоже, уже достиг. Так что в любом случае ему уже не придется жаловаться на судьбу, независимо от того, как эта капризная и мстительная матрона поведет себя впредь.

Когда в Берлине, в эсэсовских верхах, решался вопрос о том, кого назначить начальником этой экспедиции, в течение событий вмешался главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Эрих Редер, хорошо знавший его отца, корветтен-капитана в отставке Артура Риттера. Это он позвонил Герингу и назвал имя барона Альфреда Риттера, «старого опытного полярника и потомственного военного моряка».

А услышав от рейхсмаршала, что тот в принципе не возражает, но «не мешало бы поговорить с Гиммлером», настойчивый адмирал лично явился к рейхсфюреру на прием. И тут уж сработало то, что Гиммлер хорошо знал старшего брата полярника Риттера – оберштурмбаннфюрера, то есть подполковника войск СС, Рудольфа фон Риттера, успевшего

к тому времени отличиться при выполнении какого-то важного задания, причем за пределами Германии. Мало того, с благословения Гиммлера старший фон Риттер только что получил какую-то очень важную, секретную должность, на которой его охотно утвердил сам фюрер. Причем, как оказалось, фюрер поинтересовался у Рудольфа, чем занимается сейчас его брат-полярник, о похождениях которого он в свое время читал в газетах. Вспомнив обо всем этом, Гиммлер наверняка при случае доложил фюреру, что он специально отыскал барона Альфреда фон Риттера, чтобы вернуть его на службу германской науке.

Вот так, с отцовского благословения, судьба и соткала для него, странствующего бездельника, эту долгую дорогу в Антарктику.

3.

Август 1938 года. Германия. Мюнхен. Партийный штаб фюрера – Коричневый дом.

Солнце уже зависло на шпиле все еще бредившего прощальными молитвами крестоносцев старинного собора, когда на роскошной Бриннерштрассе появился антрацитово-черный, фюрерский, как его здесь называли, «мерседес». Неспешно вышедший из него почти двухметрового роста господин лет тридцати пяти, в широких плечах и в каждом движении которого клекотала плененная мышцами и силой воли буйволиная ярость, явно никуда не торопился.

Он с безучастным выражением лица осмотрел изысканную мраморную лестницу, мощные колонны и увенчанный огромной свастикой фронтон бывшего дворца Барлова, в котором когда-то, во времена Баварского королевства, располагалось итальянское посольство, затем взглянул на «облагороженный» псевдоготикой особняк напротив, в котором озарялась благословением резиденция папского нунция, и, поражая рослых СС-охранников своей осанкой и выправкой, направился ко входу.

Эти двое парней в черных мундирах, конечно же, обязаны были остановить светловолосого гиганта в зеленом мундире без каких-либо опознавательных знаков, однако, встре-

тившись с холодным взглядом его подернутых лазурной поволокой глаз, они замерли, как замирали только при появлении самого фюрера, и с окаменевшими лицами дождались, когда странный пришелец скроется за дверью.

Несколько запоздало встретивший гостя начальник личной охраны Гитлера штурмбаннфюрер СС Ганс Раттенхубер суетно уведомил гостя, что фюрер ждет его и готов принять.

– Он готов, – невозмутимо подтвердил пришелец. – Теперь он уже, естественно, готов.

Чтобы попасть в кабинет Гитлера, нужно было пройти через облицованный коричневатым мрамором зал, увешанный мемориальными досками, на которых были высечены имена тринадцати национал-социалистов, погибших здесь, в Мюнхене, во время столкновений с полицией 9 ноября 1923 года. Остановившись посреди зала, пришелец внимательно осмотрелся. Раттенхубер знал, что обычно этот зал – с флагами, а также свастиками на оконных витражах, плафонах люстр и даже на карнизах – производил на впервые входивших в него довольно сильное впечатление. Однако и на сей раз пришелец остался совершенно невозмутимым.

Раттенхубер уже намеревался вести его в приемную, но в это время в зал вошел сам фюрер.

– Вы все же прибыли! – пошел он навстречу гостю, на ходу протягивая ему руку. – Я очень рад! Нам надо о многом поговорить.

– Консул Шамбалы во Внутреннем Мире, – едва замет-

но склонил голову пришелец, не проявляя никакого желания здороваться за руку. – Вы просили Высших Посвященных прислать своего представителя. Он – перед вами. Но, прежде чем мы пройдем в ваш кабинет, я хотел бы взглянуть на Сенаторский зал.

– Вы знаете о Сенаторском зале?! – был приятно удивлен фюрер. – Да, пожалуйста, пройдем. Вот сюда...

Они вошли в небольшой зал, в котором стояло шестьдесят одно обитое светло-красной кожей кресло; пол и стены были украшены сотканными из орнаментальных свастики коврами, а на одной из стен виднелись четыре увенчанные огромной свастикой мраморные плиты, повествовавшие о четырех этапах становления НСДАП: об основании партии, о принятии ее программы, о трагических событиях «Мюнхенского путча» 1923 года и, наконец, о победе на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года, во время которых НСДАП получила 107 депутатских мест.

– Это особый зал, – с волнением произнес Гитлер.

– Я знаю.

– Придет время, и в нем будет заседать шестьдесят один пожизненный сенатор, каждый из которых проявит себя как выдающаяся личность рейха.

– Считаете, что это время действительно придет?

– Придет. И это они, сенаторы, будут править Германией.

– Пока что вы, господин Шикльгрубер, собирали своих людей в этом зале только однажды, в июне 1934 года, чтобы

благословить ближайших приверженцев на расправу с отрядами штурмовиков во главе с Эрнстом Ремом. Во время этого погрома вы истребили несколько сотен своих сторонников.

– Вам и это известно?! – уставился на него фюрер, едва придя в себя от шока, вызванного упоминанием его, теперь уже строго запрещенной для упоминания и почти засекреченной, фамилии.

– Как и то, что этому залу так и не суждено будет услышать голоса германских сенаторов.

– Нет, почему же?! – возмутился Гитлер. – Наступит время, и...

– Не наступит, господин Шикльгрубер, – жестко остепенил его Консул, – теперь уже не наступит. А этажом выше находится зал вашего партийного суда, – не давал он опомниться фюреру, – где стол судьи все еще украшают золотая свастика и золотая фигурка Христа.

– Там проходят суды над членами партии, которые...

– Давайте не будем тратить время на осмотр, – прервал его рассказ пришелец, – и продолжим встречу в вашем кабинете.

Пока Консул уверенно направлялся к двери, а затем столь же уверенно входил в приемную, Раттенхубер, все время державшийся как бы между ним и Гитлером, но чуть сбоку, краем глаза наблюдал за своим шефом. Тот выглядел растерянным и подавленным. А ведь фюрер специально наметил встречу в Коричневом Доме, рассчитывая поразить Послан-

ника Шамбалы его великолепием и ритуальной святостью многочисленных свастик, таких близких, как он считал, душе и духу Высших Посвященных.

«Тогда в чем дело?! – задавался вопросом Раттенхубер. – Создается впечатление, что даже если бы фюрер решил сказать шамбалисту, что этот, в итальянском стиле выстроенный, дворец обошелся ему при покупке в полмиллиона марок и еще столько же стоили его ремонт и оформление, – это тоже не произвело бы на Посланника абсолютно никакого впечатления. Чем же тогда можно удивить?!»

Раттенхубер и сам не принадлежал к людям эмоциональным, но холодно-заносчивых аристократов, подобных Посланнику Шамбалы, он просто терпеть не мог. Впрочем, фюрер тут же избавил телохранителя от его душевных терзаний, закрыв дверь перед самым носом; и при этом даже не оглянулся.

«А ведь вождь недоволен, что ты стал свидетелем его унижения, – сказал себе начальник “сопроводительной команды”¹². – Но ведь меня-то он может не опасаться. Кого угодно, только не меня!»

Кабинет фюрера одинаково способен был поражать воображение как своими амбициозными размерами, так и своим роскошным убранством: сработанные под старину крес-

¹² Официально Раттенхубер был начальником одной из двух сопроводительных команд, в состав которых входило по одиннадцать специально отобранных и подготовленных эсэсовцев. Вторую команду возглавлял штурмбаннфюрер СС Гешке.

ла, огромные, в стиле кого-то там из Людовиков, диваны и такие же огромные хрустальные люстры; а еще – золотые, работы венецианских мастеров, канделябры; золотой бюст Муссолини, стоявший чуть в сторонке от изысканного золоченого письменного прибора... И здесь же, чуть правее от громадного, из красного дерева сработанного, письменного стола, – искусно выписанный маслом огромный портрет императора Фридриха Второго Прусского, больше известного германцам под прозвищем Старый Фриц.

– Прошу вас, присаживайтесь, – движением руки указал фюрер куда-то в сторону стола.

Но дальше произошло то, чего он никак не ожидал и от чего буквально потерял дар речи: благодарственно кивнув, Посланник Шамбалы, не колеблясь, обошел стол и уселся в высоком кресле фюрера.

Гитлер растерянно подался было вслед за ним, затем остановился и, не зная, как ему вести себя в подобной ситуации дальше, так и остался стоять, держась за спинку ближайшего к столу кресла для посетителей. Он мучительно пытался понять, чем вызвано такое поведение Посланника Шамбалы: незнанием европейского этикета, подчеркнутым пренебрежением и к великосветским условностям, и к нему самому, фюреру Великогерманского рейха? Или же Посланник уже открыто дает понять, что Высшие Посвященные Шамбалы разочарованы в вожде арийцев и отказывают ему в дальнейшей поддержке?!

– Я не стану отнимать у вас время, – наконец-то решил-ся Консул Внутреннего Мира проявить хоть какие-то знаки уважения к хозяину. – Вы хорошо были знакомы с тибетским ламой Торгаром, прозванным у вас Человеком в Зеленых Перчатках.

– Человек в Зеленых Перчатках! Конечно же, помню, – оживился фюрер. – Где он сейчас? Как-то странно и неожиданно он исчез.

– Вы не очень-то доверяли ему, хотя вам было объяснено, что Торгар обладает титулом Держателя Ключей От Королевства Агарты.

– Да-да, благодаря ламе мы сумели установить связь с Посвященными Шамбалы, – попробовал уйти от выяснения отношений фюрер, однако Консул оставался непреклонным:

– ...Не доверяли даже после того, как лама Торгар трижды назвал журналистам точное количество членов вашей партии, которые станут депутатами рейхстага¹³.

– Вы правы, – попытался искупить свою былую самоуверенность Гитлер. – Он поражал нас даром предсказателя. Так угадать количество мест в рейхстаге!..

Фюрер намеревался сказать еще что-то, однако, натолкнувшись на гипнотизирующе-ироничный взгляд Послани-

¹³ Исторический факт. Во времена прихода нацистов к власти в Берлине действительно обитал тибетский лама, прозванный Человеком в Зеленых Перчатках, сумевший перед выборами трижды точно предсказать количество будущих депутатов рейхстага от НСДАП. Известно, что фюрер неоднократно встречался с ним и что отношения между ними в конечном итоге не сложились.

ка, запнулся на полуслове.

– Вы так и не поняли самого главного, господин Шикль-грубер, – что Держатель Ключей Духовного Королевства Агарты не угадывал и не предсказывал ваши победы, а... вел вас к ним.

– Да?! – опешил от неожиданности Гитлер.

– Он вел вас к победе, сотворяя из Шикльгрубера – Гитлера, из агитатора маленькой партии – ее лидера, из ефрейтора разгромленной армии – вождя великой, непобедимой нации. Это Торгар и его люди обучали вас искусству медитации, они открывали вам неведомые простым смертным каналы духовной связи с посвященными тайного Королевства добра Агарты.

Посланник Шамбалы не мог не заметить, как болезненно задело фюрера его сообщение. Передернув костлявыми плечиками, тот попробовал вскинуть подбородок и впасть в благородный гнев:

– Но вы же не станете отрицать, что в моем приходе к власти величайшая заслуга нашей партии, в ней вера германского народа!...

– Все, что вы хотите сказать в эти минуты, будет уместнее высказать на очередном партийном митинге, – не стал впадать в тонкости восточной философии и церемониться с ним Посланник. – Торгар является наследником королевской династии Торов, основателем которой стал известный из нордических саг бог Тор. Но еще до своего обожествле-

ния он спас значительную часть духовной элиты расы тор-ариев, чья цивилизация погребена сейчас песками пустыни Гоби. Эта династия является династией учителей тор-ариев, а духовная элита, которую Тор увел во Внутренний Мир Гималаев, в глубокие горные подземелья, признана сыновьями Космического Разума, или, как его еще называют в некоторых тайных свитках, Разума Извне.

– Припоминаю, что нечто подобное слышал от ламы Тор-гара.

– К сожалению, вы забыли многое из того, что вам было поведано Торгаром, господин Шикльгрубер. И слишком редко вспоминаете о том, что еще помните.

– Но, действительно, он так неожиданно и не вовремя исчез! Мы-то рассчитывали на его помощь, его консультации.

– Высшие Посвященные Агарты окончательно отказались от вмешательства в процесс развития вашей цивилизации, судьба которой уже предрешена, от вашей обреченной цивилизации, – уточнил Посланник. – Философскую сентенцию Посвященных Агарты я бы сформулировал так: «Мудрость человека, посадившего дерево, заключается в том, чтобы обречь себя на созерцание его жизненного цикла, запрограммированного Космическим Разумом в самой духовной идее этого дерева».

– Возможно-возможно, – суетно пытался прервать его Гитлер, однако Посланник оставался непреклонным.

– ...Это универсальный принцип, который, применитель-

но к цивилизации, формулируется таким образом: «Высшая мудрость Космического Разума заключается в том, чтобы, сотворив очередное поколение земной цивилизации, дать ей возможность самовыразить себя во всех заложенных в ней принципах и законах развития в течение всего отведенного ей космического цикла бытия»¹⁴. Этот постулат является основополагающим и по отношению к планетарному биокораблю, именуемому Земля. Сотворив который, Космический Разум также позволил ему самовыражаться во всех заложенных в его Высшей Идее принципах и законах развития в течение всего отведенного ему цикла космического бытия.

– Да, значит, мироустройство представляется вам именно таким? – едва слышно проговорил фюрер, теперь уже внемля каждому слову Посланника Шамбалы.

– Так вот, – не стал отвлекаться на уточнения и полемику Консул, – все планетарные катаклизмы на Земле происходят из-за того, что циклы и принципы бытия Земли и человеческой цивилизации не только не совпадают, но и в основах своих, противоречат друг другу, а порой и взаимоисключают друг друга. Ну а что касается Духовного Королевства Агарты, то оно олицетворяет лишь одну из ветвей духовной расы тор-ариев¹⁵. Вторую составляют Посвященные Духовного Королевства Шамбалы. Это Королевство Земного Могуущества, Высшие Посвященные которого пытаются влиять

¹⁴ Обе формулировки принадлежат автору.

¹⁵ Название «духовная раса тор-ариев» принадлежит автору.

на развитие цивилизации, на губительные стихии планеты и, способствуя выживанию ее духовной элиты, стремятся сотворить и утвердить на земле Высшую расу сверхчеловека, космическую расу богочеловека.

– Именно эта идея – сотворения расы космического богочеловека – наиболее близка идее и духу арийского нацизма, – решительно взбодрился фюрер. – Мы с готовностью воспримем ее как основу своей тайной доктрины.

– Вы обязаны воспринять ее как основу своей тайной доктрины бого-арийского нацизма, или, точнее говоря, арийского космонацизма¹⁶, – популярно объяснил фюреру его функцию Посланник Шамбалы. – У вас не существует выбора. Когда вершится эта война, космогонический арийский нацизм, в отличие от сионистского капитализма, иудо-славянского коммунизма и итало-германского фашизма, станет ведущей политической религией евразийского континента. Именно в арий-нацизме, как в духовном мироучении, способствующем выживанию нынешней цивилизации и ее переходу в Космическую Расу Богочеловека, сумеет найти себя духовная элита большинства рас и наций. Потому что, вопреки постулатам германского нацизма, арий-нацизм как новое мироучение, исходит не столько из кровного, сколько из духовного арийства народов. То есть арийнацизм – не что иное,

¹⁶ Термины арийский нацизм (в отличие от германского) богоарийский, космогонический нацизм и арийский космонацизм, как и их толкования, принадлежат автору.

как духовное вхождение элиты многих народов в высшую, космическую, ступень транснационального духовного арийства. Сотворение арийского нацизма на основе какой-либо одной земной нации уже не имеет перспектив.

Посланник Шамбалы умолк, считая, что сказанного им вполне достаточно, чтобы прояснить тайну своего появления в Германии. Однако понадобилась еще как минимум минута, чтобы фюрер перемолол услышанное на жерновах своих мыслей и вернул себе способность к общению:

– Но сами-то вы?.. Кто вы в действительности? Какими полномочиями обладаете и, вообще, какова ваша миссия в Германии? Говорите откровенно, это останется между нами.

– Перед вами – потомок богокороля Тора, сын правителя Шамбалы, один из Духовных Принцев Шамбалы. В то же время я являюсь консулом Шамбалы во Внутреннем Мире Антарктиды.

– Внутреннем Мире... чего?!

– Антарктиды. Я понимаю, что вам хочется выяснить, что собой представляет этот Внутренний Мир. – Только теперь Принц Шамбалы освободил кресло фюрера и вышел из-за стола. – Частичный ответ вы получите после того, как из Антарктиды вернется ваша экспедиция.

– Но мы не посылали экспедицию в Антарктиду.

– Вы отправите ее сейчас. На авианосце «Швабенланд», который в эти дни переоборудуется на гамбургской верфи для похода в Арктическую Канаду. Отправьте туда менее

подготовленное судно и менее подготовленный экипаж. Но проводы устройте пышные, чтобы отвлечь внимание от похода в Антарктиду, который, наоборот, должен проходить в условиях особой секретности. Очень важно, что «Швабенланд» является авианосцем и оснащен паровой катапультной для запуска гидроплана. Во главе экспедиции я бы посоветовал поставить двух опытных полярников: фон Риттера и фон Готта. Будьте готовы к тому, – молвил Принц Шамбалы, уже направляясь к выходу, – что этот поход в Антарктиду станет началом нового поворота в истории рейха, началом создания Рейх-Атлантиды.

Фюрер подался вслед за ним, однако Принц Шамбалы уже закрыл за собой дверь. Вождь рейха выбежал в приемную, пронесся через Мраморный зал и, увидев в конце просторного фойе беззаботно беседовавших Раттенхубера и Рудольфа Гесса, прокричал:

– Где он?!

– Кто? – удивленно спросил Гесс.

– Не задавайте мне дурацкие вопросы! – заорал Гитлер. – Вы, Раттенхубер, знаете, о ком я! Он только что должен был выйти из Мраморного зала. Другого выхода здесь нет.

– Из зала никто не выходил, мой фюрер, – заикаясь, ибо он всегда начинал слегка заикаться, когда слышал крик фюрера, проговорил начальник личной охраны.

– Но этого не может быть! Вы для чего стоите здесь, штурмбаннфюрер?! Зачем мне нужна такая личная охрана?!

– Но здесь действительно никого не было, мой фюрер. Господин Гесс может это подтвердить. Как и охрана у входа.

Фюрер почти вплотную приблизился к Раттенхуберу, взглянул ему в глаза, затем перевел взгляд на широкую, устланную коричневым, с черными орнаментальными свастиками, ковром, и, не веря ни Раттенхуберу с Гессом, ни тем более самому себе, молча, обессиленно опустив плечи, побрел к Мраморному залу.

4.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

Фрегаттен-капитан фон Готт и сам поднялся на мостик лишь незадолго до появления там командира корабля. Его ночная вахта неожиданно была прервана докладом дежурного радиста: «Вам шифрограмма из штаба Гиммлера! Лично. И совершенно секретно».

«Мне или командиру корабля?» – уточнил по внутренней связи барон.

«Лично вам! – последовал четкий ответ. – Под грифом, обозначающим “без права оглашения”».

«То есть?..» – впервые сталкивался с подобным грифом Полярный Барон, у которого не было опыта службы в военном флоте «времен фюрера».

В последние годы он вообще был далек от военно-морских реалий. Сначала были разведывательная школа абвера и «деликатная миссия» в Аргентине и Чили, где в это время между Германией и США разгоралась «подковерная» борьба за влияние на местные режимы; затем последовала учеба, с одновременной работой в должности специалиста по латиноамериканским странам, в секретной диверсионной Школе «морских дьяволов» в Италии; и, наконец, постижение на-

ук на секретных международных «Фридентальских курсах» руководителей диверсионных групп и повстанческих движений, с некоторых пор опекаемых самим Отто Скорцени.

Так что все это: и возведение в высокий морской чин, и назначение на «Швабенланд», – произошло как-то слишком уж неожиданно, как происходит только по воле Господа... или фюрера. Что почти одно и то же. И то, что он направлялся сейчас в сторону Антарктиды, а не в сторону Канадского или Русского Заполярья, в его восприятии тоже было чистой случайностью. Но это – в его личном восприятии. На самом же деле Полярный Барон прекрасно понимал, что его готовят к какой-то особой длительной миссии. И вряд ли она ограничивалась обязанностями помощника командира и начальника службы безопасности авианосца «Швабенланд».

«То есть вы не имеете права сообщать о содержании шифрограммы никому, – просвещал его тем временем дежурный радист, – включая командира корабля».

«Вот как?! – почти ритуально поскреб ногтями свой заросший подбородок Теодор фон Готт. – Значит, вы считаете, что мир все еще у наших ног?»

О том что «Мир все еще у наших ног» – тоже почти ритуальная поговорка фрегаттен-капитана, радист не знал. Да ему и не положено было знать это. Зато он знал о кое-чем ином, в данной ситуации более важном, а посему напомнил:

«Шифр, господин фрегаттен-капитан, – в вашей каюте, в персональном сейфе».

Вернувшись к себе в каюту, фон Готт вскрыл сейф и, воспользовавшись шифром, прочел радиограмму, текст которой хоть как-то проливал свет на истинную цель его очередных полярных блужданий: «Задание определит Консул. Подготовьте Кассандру. Ветер из Анд. В запасе трое суток».

Под кличкой Кассандра выступала давно и хорошо известная ему диверсантка Норманния фон Криффер, которая в эти минуты наслаждалась предутренним девичьим сном в каюте ученых дам, расположенной палубой ниже. То, что задание им нужно будет выполнять вдвоем с Кассандрой, – тоже было ясно, иначе она бы не оказалась вместе с ним на борту «Швабенланда». Как нетрудно было догадаться, что «ветер из Анд» предвещал переброску в Латинскую Америку, до которой отсюда, из Антарктики, в общем-то рукой подать.

Так что единственное, что Полярного Барона по-настоящему интриговало сейчас, – это появление загадочного Консула, которому и велено определить цель его «неофициального визита» в Анды. Откуда этот Консул должен был появиться? Из недр Антарктиды, что ли? Или, может быть, во время всего месячного плаванья он прохаживался палубами «Швабенланда», ожидая условного сигнала в виде такой же шифрограммы, только врученной лично ему?

Задаваться вопросами по поводу того, почему задание не было определено еще до выхода в море; почему в Германии не названа была хотя бы страна «неофициального визита» и почему его как разведчика лишили возможности осве-

жить в памяти язык да приглушенные временем и конспирацией связи, – теперь уже бессмысленно. Но и единственным оправданием штабистов Гиммлера оставалась разве что исключительная секретность задания, да зависимость его от готовности и воли таинственного Консула.

Едва он покончил со своими диверсантаскими умозаключениями, как в каюту постучали, и на пороге восстала графиня Норманния фон Криффер.

– Кажется, вы хотели поговорить со мной, барон? По-моему, вы оч-чень этого хотели.

Несколько секунд Норманния все же дала ему, чтобы он мог обрести дар речи и проямлить что-то более или менее членораздельное:

– В общем-то... Но теперь уже – да.

– Нет, чтобы ответить холодной нормандке со всей пылкостью своей баварской страсти!

Готт грустно улыбнулся. В свое время он и в самом деле каждое появление этой женщины пытался встречать «со всей пылкостью своей баварской страсти». Вот только Норманния неизменно отвечала непреклонностью «холодной нормандки». И так было множество раз.

Она, конечно же, была влюблена: она отважно следовала за ним в вечерние пивные и храбро вступалась за него всякий раз, когда после очередной кабачной потасовки Барон-Дровосек оказывался в полицейском участке. Но как только дело доходило до постели, тут же твердо напоминала,

что она, графиня фон Криффер, видит себя только «женщиной у домашнего очага, и ни в коем случае – подругой у коистра бродяги».

И трудно было понять: то ли она нежно намекала на то, что в постели с ним окажется только после венчания, то ли пыталась сразить грубым намеком на его хроническую бедность и столь же хроническую бездомность. Единственным «сексуальным» достоинством Норманнии было то, что она никогда не устраивала ему сцен ревности. Его половую связь с любой из женщин она называла обезьяньей страстью, и относилась к ней с той же долей пренебрежительной терпимости, что и ко всякой иной «животной потребности» мужчины.

– Значит, вам известно о радиограмме?

– О радиограмме?! – переспросила графиня, оттесняя Готта вглубь каюты и столь же решительно входя в нее. – Сейчас, в третьем часу ночи?

– Как ни странно. Только что расшифровал.

– Там говорится: «Вы в опасности! Ждите ночного визита женщины! Спасайтесь»?

– Почти дословно. Так вы и в самом деле не знали о ней?

– Как и о вас – в течение нескольких последних лет.

– Тогда почему вы решили, что мне нужно поговорить с вами?

– Не знаю. Предчувствие. И потом, вспомните о моем псевдо – Кассандра!

«Неужели действительно обладает способностью предугадывать, предсказывать? – в который раз удивлялся Теодор фон Готт, хотя знал эту женщину уже немало лет. – Отсюда и прозвище – Кассандра!»

– Но поговорить нам в любом случае необходимо.

– Давно вы так решили?

– Сейчас не время выяснять отношения. И вообще, мир все еще у наших ног.

– Тогда понятно: сия мысль посещает вас с того самого времени, когда увидели меня на палубе и сообразили, что на самом деле под легендой гляциолога Кристины Ордании на судне находится диверсантка Норманния фон Криффер.

– А ведь увидел почти спустя неделю после выхода в море.

– Ничего удивительного: судно огромное. Да и мне больше нравилось наблюдать за вами издали, не афишируя нашего знакомства.

– «Наблюдать издали» в порядочных домах называется «шпионить».

– Хотите, чтобы я высказалась относительно начальника службы безопасности экспедиции, который только к исходу пятого дня узнает, что по судну спокойно разгуливает террористка?

– Меня назначили сюда за два дня до отплытия, не ознакомив даже со списком экипажа и научной команды. Сказали, что этим занимается служба СД. Поэтому я вполне допускаю, что по палубам «Швабенланда» может разгуливать

несколько вполне реальных террористов.

– Для разведчика такого уровня, выпускника «Фриден-
тальских курсов», – очень жалкое оправдание, – добивала
его Норманния, уже повалив в постель и бесцеремонно рас-
правляясь с брюками.

– Тебе это не напоминает нашу прощальную встречу? –
успел спросить барон, предаваясь блаженству ее ласк.

Это было в тот первый и последний раз, когда она поз-
волила себе постельную вольность с ним. Готт понятия не
имел, каков был ее опыт в оральном сексе, но что получилось
у нее потрясающе – это он готов засвидетельствовать хоть на
Страшном суде.

– Можешь считать нашу сегодняшнюю встречу естествен-
ным ее продолжением, – промурлыкала Норманния, приго-
товившись еще раз продемонстрировать свое любовное ма-
стерство.

«Почему же мы не занимались этим все годы нашего зна-
комства?!» – воскликнул Теодор в тот прощальный раз, ко-
гда, после третьего или четвертого захода, Норманния нако-
нец, оставила его в покое.

«Просто я решила, что тоже имею право на свою долю
обезьяньей страсти, – мстительно ответила она. – Что же
касается уроков, то их я брала у профессионалки вместе с
двумя начинающими жрицами любви, которых эта секс-ин-
структор обучала на муляжах».

«То-то я думаю!.. Однако мир все еще у наших ног! Мо-

гу себе представить, что тогда вытворяет сама секс-инструктор!»

«Вот этого ты себе как раз представить не можешь, – многозначительно ответствовала Норманния. – И не вздумай разыскивать ее и напрашиваться в секс-клиенты».

«Это что, сцена необузданной ревности холодной нормандки?»

«При чем здесь, к черту, ревность?! Ты же знаешь, что я понятия не имею, что это такое – ревность!»

«До сих пор экстазов ревности за тобой действительно не наблюдалось. Тогда почему? Потому что до секс-клиентов она уже не снисходит?»

«Потому что в твоих ощущениях я должна оставаться непревзойденной! Понимаешь, непревзойденной!»

«Но ты в любом случае останешься непревзойденной!»

«Только не после ночи, проведенной с этим сексуальным удавом, скрывающимся под личиной секс-инструктора. После свидания с ней тебе придется то ли долго убеждать себя в моей непревзойденности, то ли откровенно лгать».

«А чтобы этого не происходило, давай будем встречаться как можно чаще», – решил воспользоваться ситуацией фон Готт.

«Не обольщайся, не обольщайся!»

«Тогда хотя бы еще раз, скажем, завтра?» – с надеждой взмолился фон Готт. Вот когда она по-настоящему вспыхнула – эта его «баварская страсть»!

«Никогда больше! – гордо вскинула подбородок эта юная аристократка. – А если и встретимся, то только через много лет. Так что вспоминай и страдай!»

«Но какой в этом смысл?!»

«В страдании. Я сказала: “Вспоминай и страдай”! С какой бы женщиной ты теперь ни предавался своей обезьяньей страсти, все равно вспоминать будешь только меня, и желать будешь только меня, и страдать будешь только по мне, графине Норманнии фон Криффер. Которая всегда видела себя женщиной у домашнего очага, а не подругой у костра бродяги, но которую вы, жалкий барон, так и оставшийся на всю жизнь Дровосеком, этой житейской привилегии лишили. И никогда впредь не вздумайте утверждать, что мир все еще у ваших ног!»

5.

Август 1943 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Ракетный центр «Пенемюнде».

Пожалуй, это был один из самых теплых вечеров, которые Герману Шернеру посчастливилось прожить на романтическом прибрежном острове. Южный, пропахший луговыми травами ветер прорывался откуда-то из глубин Померании, устало теребил кленовую листву на аллеях старинного графского парка и незлыми смерчами уходил в сторону теперь уже сиротливо опустевших причалов насквозь засекреченной рыбацкой деревушки Пенемюнде.

Когда он утихал, со стороны Поморской бухты на секретный поселок Общества кайзера Вильгельма¹⁷ накатывались будоражащие воображение запахи морских водорослей, уже полуразвалившихся, но все еще пропахших рыбацким потом, баркасов да запутавшейся в неводах детства романтики далеких странствий.

Всего лишь неделю назад унтерштурмфюрер СС Герман Шернер получил звание доктора философии. И ничего, что он, технарь до мозга костей, терпеть не мог философию и

¹⁷ «Общество кайзера Вильгельма» включало в себя 30 секретных институтов, работавших в различных областях исследований, касающихся военно-промышленного комплекса.

философов, а строго засекреченная тема его диссертации касалась «аэродинамических и энергетических основ летательных аппаратов особого назначения», которые, скрываясь под кодовым названием «Проект “Наунебу”», могли означать только одно – летающие диски.

Даже такие киты ракетостроения, как Вальтер Ридель, Вернер Браун и Вальтер Гиль (тоже, кстати, пенемюнденские «доктора философии»), допущенные до ознакомления – только в секретном архиве Испытательной команды Норд¹⁸ и только в присутствии ни черта не смыслившего в этой тематике особого уполномоченного СД, – и те листали его объемистый труд с мистической дрожью в руках. Предчувствуя, что соприкасаются с чем-то таинственным и почти потусторонним.

И если сейчас, стоя на веранде изысканного в своей древесной простоте шведского коттеджа, молодой офицер СС и столь же молодой доктор философии предавался каким-то философским изысканиям, то касались они исключительно его собственного восхождения на вершину германской науки, на эту «Фудзияму славы и духа».

Выпускник берлинского Университета Фридриха-Виль-

¹⁸ Испытательная команда Норд была сформирована в 1939 году по личному приказу Гитлера. Выполняя этот приказ, главнокомандующими сухопутными силами вермахта генерал-полковник фон Браухич отозвал из действующей армии, или освободил от мобилизации около 4 тысяч специалистов, имеющих инженерно-техническое образование. Именно члены этой команды стали работать над оружием особого назначения и усовершенствованием военной авиации.

гельма (того же, что и научно-технический руководитель¹⁹ Пенемюнденского Центра тридцатитрехлетний барон Вальтер фон Браун), он уже со второго курса углубленно увлекался аэродинамикой. А затем благодаря своему отцу, начальнику Секретного отдела Берлинской высшей технической школы, познакомился с сутью работ специалиста по ракетным двигателям профессора Гельмута Вальтера и специалиста по расчетам ракетных траекторий доктора Эрнста Штулингера; с изысканиями алхимика из группы ракетного топлива концерна «ИГ Фарбениндустри» доктора Фрица Гаевского и некоторыми техническими проектами инженера Эберхарда Рееса, которого совершенно недавно Браун назначил директором Пенемюнденского ракетного завода.

Это отец, оберштурмбаннфюрер СС Максимилиан Шернер, опытный инженер-авиатор из благородного рода саксонских маркграфов Шернеров, ненавязчиво сводил его с нужными людьми, популяризировал научные взгляды и первые научные публикации сына, а главное, никогда не скупился во время застолий в кругу военно-технической элиты. Это он создавал для своего Шернера-младшего уникальное досье из работ, имен, патентов и технических идей, благодаря которому Герман постепенно превращался в обладателя почти энциклопедических знаний в области авиа- и ракетостроения.

¹⁹ Военным руководителем центра, созданного в 1936 году, был назначен, тогда еще в чине майора, молодой ученый доктор Вальтер Дорнбергер, руководитель первого ракетного проекта фон Брауна.

строения.

Однако по-настоящему Герман Шернер нашел свое истинное увлечение только тогда, когда, с помощью начальника исследовательского отдела министерства авиации Вольфрама фон Рихтгофена, отец сумел добиться для него доступа к совершенно секретным материалам, связанным с летающими дисками, время от времени появлявшимися то над Германией, то над Францией, Италией и некоторыми другими странами – неизвестно откуда и непонятно с какой целью.

Охваченный романтикой этих наблюдений, свидетельств и версий, Герман ознакомился с ледовой космогонией Ганса Гербигера, вступил в общество «Туле» и освоил основные принципы так называемого конвертора Ганса Колера, основанного на принципе превращения гравитационной энергии в электрическую. Это была прекрасная пора познания, когда Герману, еще в университете прозванному Провинциальным Умником, казалось, что он вот-вот подступится к тайне со времен Александра Македонского известных «солнечных дисков» и создаст принципиально новый летательный аппарат, позволив благодарным современникам назвать его просто и скромно – шернером или шернеролетом.

Однако до этого еще надо было дожить, а пока что член элитарного СС-рыцарского ордена-института «Наследие предков», больше известного как институт «Аненербе», потомственный маркграф Герман Шернер, по приказу, последовавшему из штаба Гиммлера, прибывает на Испыта-

тельную станцию Вест секретного Куммерсдорфского ракетного полигона²⁰, детище погибшего во время испытаний первого ракетостроителя рейха Курта Вамке.

Именно здесь, под началом Вальтера Дорнбергера, он и завершал свою диссертацию, именно здесь познакомился со своим земляком, саксонским аристократом бароном фон Вернером, оттуда же и началось его восхождение к славе теперь уже Педемюнденского Умника.

Неожиданно оживший громкоговоритель сообщил, что к району острова приближается авиация противника, однако ни Герман, ни прогуливавшийся по ближайшей аллее парка патруль внимания на него не обратили. Никто не смог бы объяснить Шернеру, почему англо-американские бомбардировочные эскадры избрали именно этот маршрут, но вот уже более месяца, каждый день, если только позволяла погода, они появлялись на северо-западном горизонте, со стороны острова Рюген и залива Грайсвальдер-Бодден, и волна за волной уходили через испытательную станцию «Пенемюнде-Ост» – на Штеттинский залив, к устью Одера, чтобы затем, проделав еще один разворот, следовать на Берлин и Магдебург.

Наполнялось ревом двигателей доселе тихое летнее поднебесье, мерно дрожала земля и нервно подергивался пер-

²⁰ Полигон, располагавшийся в тридцати километрах от Берлина, на котором действительно проходили первые испытания ракеты «А-1», предшественницы Фау.

сональный коттедж «пенемюнденского мыслителя»; однако ни разу ни одна бомба на остров или на окрестности его так и не упала. И с каждым таким перелетом гарнизон Центра все больше убеждался, что командование противника так и не догадывается, что скрывается на острове Узедом, какие мощные интеллектуальные силы здесь собраны и чем с утра до ночи занимаются на этом клочке суши более двадцати тысяч военнопленных.

Причем самое поразительное, что и возвращались англо-американские «летающие крепости», вместе с прикрывавшими их истребителями, тем же окружным путем. Еще поразительным казалось то, что за все это время ни одно зенитное орудие двух противовоздушных дивизионов острова так ни разу и не выстрелило и ни один истребитель из ближайшего аэродрома прикрытия в воздух поднят не был.

Начальник генерального штаба ВВС генерал-полковник Ганс Йешоннек лично приезжал в Пенемюнде, чтобы встретиться с ведущими конструкторами и инженерным персоналом и успокоить: если при пролете англо-американских бомбардировщиков активизировать германскую авиацию и зенитные батареи, это сразу же привлечет внимание вражеского командования и разведки. Поэтому не стоит паниковать; и вообще, за свою без опасность они, пенемюнденцы, могут не волноваться. Ну а рапорты, регулярно поступающие от командования Центра, он, как начальник генштаба, аккуратно складывает в папку, исключительно для истории.

Считая, что изнурявшая его бессонница теперь уже должна отступить, Герман решил отправиться спать. И лишь воспоминание о смазливой чешке Эльжбетте, дарованной ему командованием женского лагеря депортированных два дня назад в качестве домработницы и, как ему объяснили, «женщины для секс-санитарного обслуживания», заставило его еще на несколько минут задержаться.

Было в этой женщине что-то такое, что заставляло относиться к ней с уважением, забывая о временном неравенстве, которое разделяло их сейчас. Ее улыбка, ее чуть-чуть удлинненный римский носик, кончик которого при улыбке слегка вздергивается, ее темно-вишневые глаза...

Пенемюнденский Умник так и не удосужился выяснить, почему она попала в лагерь. Единственное, что он уяснил для себя, – что Пенемюнде стал для нее спасением... от лагеря смерти Дахау, из которого ее чудом вырвала знакомая судетская немка, оказавшаяся там в роли бригадира надзирательниц. Когда набирали команду для переброски в Пенемюнденский лагерь, чешская судетка, наорав на эсэсовцев, буквально вырвала ее из колонны, которую гнали в барак смерти, и буквально в последнюю минуту сумела затолкать ее в машину, уходящую к железнодорожной станции.

Сожалея, что администрация Центра категорически запрещает оставлять у себя «секс-санитарок» на ночь, поскольку спать они обязаны были в своих бараках, создатель летающих дисков скептически наблюдал за тем, как первые

два звена бомбардировщиков медленно и неуклюже прорываются сквозь едва освещенные неярким лунным светом облака. Он мечтал сейчас о той ночи, когда, при очередном массированном налете, с пенемюнденского ангара в воздух взмоет недоступный для снарядов зениток и авиаорудий дисколет Шернера.

Мгновенно меняя направление и высоту полета, дисколет (или шернеролет – а почему бы и нет?!) начинает расстреливать вражеские машины из специальных, размещенных в двух башнях, ракетных зениток и раскраивать их «лучами смерти». Впрочем, орудийные башни, ракетные зенитки и все такое прочее – приемлемо только на начальной стадии создания подобных шернеролетов: ведь понятно, что машины, обладающие такой колоссальной скоростью и такой непостижимой маневренностью, потребуют и совершенно иного вооружения.

Под воздействием гравитационного поля этой адской машины приборы и рации уцелевших самолетов выходят из строя, металл меняет свою структуру и начинает крошиться, а сами пилоты впадают в состояние необъяснимого ужаса, теряя способность логически мыслить и принимать какие-либо решения, вплоть до решения воспользоваться парашютом.

Пенемюнденский Умник уже почти увидел свой шернеролет в островном поднебесье, как вдруг, при появлении очередного звена бомбардировщиков, в воздухе вспыхнуло

несколько многозвездных осветительных ракет, превратившихся в некое подобие рождественских гирлянд. В ту же минуту большие пространства острова вспыхнули, озаренные фосфором и специальной зажигательной смесью. И теперь уже огромные четырехмоторные машины не пролетали по северной кромке острова, а накатывались на него волна за волной, широким развернутым строем, и было их несметное множество. От рева моторов и взрывов тяжелых бомб раскалывались земля и небо, а в поднебесье взмывали остатки каких-то строений, пламя пожаров и... людские души.

Немного придя в себя, Шернер метнулся в сторону ближайшего бомбоубежища, но в это время одна из мощных бомб угодила прямо в его коттедж. Убийственный взрывной удар в спину – вот то последнее, что успел запомнить этой судной ночью счастливейший из Пенемюнденских Умников.

6.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

...Однако все это оставалось теперь в романтическом прошлом.

Колыбельно покачиваясь на небольшой волне, корабль, словно заблудший во времени ковчег, медленно входил в прибрежные льды Антарктики. И было что-то по-библейски вещее в том, что на ветхозаветном «корабле спасенных», затерявшемся посреди космических льдов Вселенной, двое «падших во грехе» вновь и вновь сладострастно сотворяли великое таинство любви, предвестницы великого таинства жизни.

– Знаешь, за что я стану боготворить этот корабль? – молвил фон Готт, когда страсти угасли и, голова к голове, раскинув руки, они лежали на разбросанной, измятой постели.

– За то, что на нем мне никуда от тебя не деться, – попыталась угадать графиня фон Криффер. – Убегать в антарктические льды я, как ты понимаешь, вряд ли решусь.

– Ты опасная женщина, Норманния.

– Всего лишь пытаюсь соответствовать своему диверсионному псевдониму. Однако вернемся к телеграмме. Насколько я понимаю, на ней стоял гриф, запрещающий ее оглаше-

ние, но в то же время в ней предписывалось подготовить меня к новому заданию. Нашему общему. Говори прямо: эти кретины-штабисты что, в самом деле решили оставить нас в антарктическом аду Внутреннего Мира? Что-то мне в это не верится.

– И правильно не верится. Внутренний Мир пока что откладывается: нам предстоит рай латиноамериканских Анд. А коль так, – значит, мир все еще у наших ног!

Норманния сжала его ладонь, затем, радостно взвизгнув, потрясла ею в воздухе:

– Слава тебе, Господи! Побывать в Андах мне хотелось еще с тех пор, как я узнала, что тебя отправили с «неофициальным визитом» в Латинскую Америку.

– Все-таки отслеживала. Как удавалось?

– А как ты думаешь, каким образом я узнала, что ты уходишь на «Швабенланде», и даже умудрилась попасть на него? – иронично поинтересовалась Норманния, поднимаясь и неспешно приводя себя в порядок.

– Так, значит, твое появление здесь можно считать «спецоперацией Кассандры»?

– Да это изначально понятно. Вопрос в том, как мне это удалось. Тебя ведь это интересовало: как я узнала о твоих похождениях в Чили и Аргентине, кто уведомил меня о твоём назначении на авианосец и помог попасть в каюту ученых дам?

– Черт, я совершенно забыл о некоем генерал-адмирале

Редере, числящемся твоим дядей!

– Двоюродным, но влюбленным в меня. Что же касается вас, барон, то в данном случае вас уже даже не осенило, а просто-таки озарило. Но самое удивительное то, что Редер оказывает мне эти услуги по собственной воле.

– И даже без вашего согласия, графиня?

– Во всяком случае, без моих напоминаний.

– С чего бы это?

– Считает тебя, – вновь перешла на «ты», – настоящим полярным и морским волком, и называет не иначе как Полярный Барон.

– А вы, графиня, согласиться с этим высоким и справедливым мнением никак не можете?

– Могу, но не желаю.

– Из мести.

– Кстати, – не стала ни подтверждать, ни опровергать его догадку Норманния, – ты даже не догадываешься, что прозвищем этим – Полярный Барон – ты обязан ему, главному военно-морского флота генерал-адмиралу²¹ Эриху Редеру.

– Брось, не может такого быть! – искренне не поверил ей фон Готт. – Скорее всего, оно прилипло ко мне благодаря стараниям кого-то из полярников. Или газетчиков. Из ува-

²¹ Чина gross-адмирала, с которым он вошел в историю Германии, Эрих Йохан Альберт Редер удостоился лишь 1 апреля 1939 года, то есть чуть позже описываемых событий, происходивших в январе этого же года. А до этого времени Редер был обладателем чина генерал-адмирал, присвоенного ему Гитлером 20 апреля 1936 года, в честь своего дня рождения (47-летия).

жения ли, из ненависти – не знаю. В любом случае, мир все еще у наших ног!

– На одном из совещаний, забыв твою фамилию, Редер стал допытываться у присутствовавших адмиралов и капитанов цур зее: «А чем занимается сейчас этот, как его... ну, этот Полярный Барон?...» Кто-то сразу же догадался, о ком идет речь, и подсказал твою фамилию. Однако главком флота уже так и называл тебя: Полярным Бароном. Так вот, генерал-адмирал простить мне не может того, что мы с тобой поссорились, и считает, что в размолвке нашей виновата только я.

– И убедить его в обратном тебе так и не удалось? Как, впрочем, и меня.

– Однажды твой генерал-адмирал довел меня своими упреками до того, что я заявила, что не люблю тебя именно за то, за что он, адмирал Редер, тебя так безоглядно обожает. Но это его не облагоразумило. Даже за то, что, не посоветовавшись с ним, я стала унтерштурмфюрером СС...

– О, так ты уже лейтенант СС?

– ... Он упрекал меня меньше, – «не расслышала» Норманния вопроса подполковника флота, – чем разлукой с тобой. Словно это я не себя с тобой разлучала, а его, генерал-адмирала Редера.

– И чем это кончилось?

– Даже не обиделся. Он, понимаете ли, считает тебя талантливым моряком-полярником и видит в тебе будущего

гросс-адмирала. Мало того, он даже сумел убедить в этом своего ученика, фюрера подводных лодок Карла Деница, который и сам давно метит в гросс-адмиралы.

– Ладно, – проворчал барон, – оставим в покое адмиралов – нынешних и будущих. Сейчас меня интересует другое: если уж ты все знаешь, то, может быть, просветишь меня, кто такой Консул?

Норманния прекратила подправлять свою короткую стрижку и внимательно взглянула на фон Готта:

– Почему ты спросил о нем?

– Потому что именно от него мы должны получить инструкции, касающиеся нашей андской экспедиции.

– Очевидно, речь идет о Консуле Внутреннего Мира. Иного консула я просто не знаю.

– И что же он собой представляет?

– Не надо расспрашивать о нем, барон. Кроме того, что он является неким тайным агентом Шамбалы и сам фюрер подчиняется ему с еще большим подобострастием, нежели мы – фюреру, я ничем тебя больше не обрадую. Да, и еще одно: генерал-адмирал намекнул, что на самом деле бывшее трансатлантическое почтовое судно «Швабенланд» готовили для похода в арктическую часть Канады, куда-то в район архипелага Королевы Елизаветы, в котором ученых из «Ане-нербе» почему-то особенно заинтересовал остров Элсмир. Конечно же, для этой цели «Швабенланд» основательно переоснастили на гамбургской судовой верфи.

– Север Канады мне всегда был ближе и понятнее, – напомнил фон Готт.

– Знаю. Но, по настоянию неких Высших Неизвестных, с которыми фюрер уже давно поддерживает медиумную связь, корабль отправили сюда, в Антарктиду. А к Элмиру отправится другое судно. И попозже. Скорее всего, это будет специально переоборудованный для северных перевозок линкор «Дойчланд»²².

– На который мне уже не попасть.

– С вас вполне хватит «Швабенланда», мой Полярный Барон. Так вот, нетрудно предположить, что на сей раз волю этих Высших Неизвестных, или, как их еще называют, Высших Посвященных, донес до фюрера не кто иной, как теперь уже известный нам агент Шамбалы, он же Консул Внутреннего Мира. Понятно, что экипаж «Швабенланда» спешно доукомплектовали теми людьми, которым затем предстоит осваивать «антарктическую Германию» или которые были угодны Консулу.

²² По имеющимся данным, линкор «Дойчланд» действительно совершил разведывательный рейд в район острова Элмир, и данные, которые были собраны пребывавшими на его борту учеными и членами экипажа, послужили основанием для создания там германской военной базы. По одной из версий, эта база просуществовала до конца Второй мировой войны, по другой – вплоть до 1950 года и была обнаружена и уничтожена с помощью спецгруппы, созданной англо-американцами на основе тайного иудейского ордена «Приорат Сиона». Архив базы, судя по всему, находится в руках американских спецслужб и до сих пор остается засекреченным. Располагалась же эта островная база неподалеку от Северного магнитного полюса.

– Отсюда и спешка с новыми назначениями!

– Да-да, барон, вы совершенно правы: и с новыми, неожиданными чинами, и с новыми, столь же неожиданными назначениями, – в который уже раз съехидничала Норманния. – А вот, что на этот раз будет связывать вас с Андами – об этом приходится только догадываться. Скорее всего, речь пойдет о выборе места для секретной перевалочной базы, которая будет служить мостом между Германией и Антарктидой и благодаря близости которой улучшится снабжение нашей антарктической базы.

Услышав все это, барон фон Готт долго и по-философски ожесточенно скреб свой давно не бритый подбородок, который, по настоятельному совету Норманнии, впредь ему следует брить дважды в день, и со всей мыслимой старательностью.

– Что-то в моих рассуждениях не сходится? – не удержалась графиня.

– Да нет, все убийственно логично.

– Но вы ждете еще каких-то объяснений?

– Уже не жду, сказанного вполне достаточно. Оказывает-ся, ты действительно знаешь все! А значит, мир все еще у наших ног!

– С похвалой я, конечно, согласна, но замечу, что все ваши, новопроизведенный фрегаттен-капитан, восхищения моими познаниями объясняются только одним: принимая свой новый чин и новую должность, сами вы поленились

узнать чуточку больше того, что вам положено было знать перед восхождением на борт благословенного Богом «Швабенланда».

– Зато вы даже не догадываетесь, как много полезного я узнал в эти минуты о вас, о себе и нашем общем задании, графиня. Жаль, что мне уже пора на вахту.

– Догадывался бы командир корабля, чем вы занимаетесь во время вахты! Ладно-ладно, фрегаттен-капитан, поверьте: я буду единственной на этом полярном ковчеге, кто не донесет на вас. Тем более, что отпущу я вас только после того, как услышу слова благодарности и восхищения влюбленного мужчины.

– Я восхищен вами, графиня.

– У вас это называется «словами благодарности и восхищения»?!

– Извините, по-иному благодарить пока не умею.

Смеялась воспитанница некоей берлинской секс-инструкторши долго, желчно и со всем возможным в этой ситуации сарказмом.

– О, если бы ваше роковое неумение, барон, проявлялось только в этом! – все же решила окончательно испортить ему эту «сказочную ночь во льдах Антарктиды» немилосердная СС-графиня. Ночь, которую сама же и подарила.

7.

Август 1943 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Ракетный центр «Пенемюнде».

В девять утра легкий самолетик, в котором прибыли начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер и начальник диверсионного отдела СД, первый диверсант рейха Отто Скорцени, уже кружил над Узедомом в поисках места для приземления. А найти его оказалось непросто: обычно хорошо замаскированная взлетная полоса островного аэродрома превратилась теперь в бетонное крошево, а все пространство, на котором некогда располагался ракетный центр с десятками всевозможных строений, превращен был англо-американской авиацией в сплошные руины и в огромные массивы по-настоящему выжженной земли.

С большим риском посадив машину на каком-то бетоно-грунтовом пятачке, пилот, бывший фронтовой ас, получивший по отметине в небе и над Сталинградом, и над Курском, опустил перед высокими чинами СД трап и произнес:

– Добро пожаловать в Пенемюнденский ад, господа! Нечто подобное мне приходилось видеть разве что в центре Сталинграда.

– Но там вы имели наслаждение любоваться своей соб-

ственной работой и на чужой земле, – заметил Скорцени. – А здесь все наоборот. Поэтому советую навсегда забыть и то, что вам пришлось видеть в Сталинграде, и то, что вам еще только предстоит увидеть здесь.

– Не спорю, поучительное замечание, – не очень-то стусевался отставной ас.

И какое-то время все трое молча наблюдали, как около полка солдат, среди которых было много санитаров с носилками, обходили завалы, выискивая убитых и раненых. Их поспешно сносили к крытым машинам и увозили в сторону поселков Карлсхаген и Трассенхейде, которые, как Скорцени уже было известно из официального сообщения штаба Геринга, пострадали значительно меньше, нежели сам ракетный центр.

Военного руководителя Пенемюнде генерал-майора Вальтера Дорнбергера и технического директора – штурмбанн-фюрера СС Вернера фон Брауна высокие гости из РСХА встретили у чудом уцелевшей измерительной лаборатории. В испачканных мундирах, небритые, с посережевшими, то ли от внезапной седины, то ли от цементной пыли, головами они выглядели растерянными и удрученными. Но если фон Браун еще старался как-то крепиться, то Дорнбергер пребывал в состоянии полнейшей прострации.

– Это невозможно! – бормотал он. – Такое не должно было произойти. Авиация подоспела слишком поздно. Не могу понять, как англичане сумели догадаться, что здесь рас-

положено.

Двое рослых плечистых громил молча смотрели на него и какое-то время молчали, словно давали ему выговориться. Но именно это их угрожающее молчание приводило доктора Дорнбергера в тихий ужас: он был почти уверен, что его или прямо здесь, у этого уцелевшего лабораторного корпуса со слегка развороченной крышей, расстреляют, или, в лучшем случае, отправят в концлагерь. И у Скорцени создавалось впечатление, что Кальтенбруннер настроен именно на такое решение: арестовать и отправить.

– Во все это трудно поверить, – бормотал между тем военный начальник Центра. – Сам рейхсфюрер СС Гиммлер заверял, что берется защитить нас от предательства и диверсий²³.

– Что за псалмопения вы лопочете, Дорнбергер?! – умышленно избежал упоминания его генеральского чина Скорцени. – Вы в состоянии доложить обергруппенфюреру Кальтенбруннеру о потерях и вообще обо всем, что здесь произошло?

– Да, в состоянии, – дрожащим голосом заверил военный руководитель Центра. – То есть нет, пока еще не готов.

²³ Гиммлер посещал Пенемюнде в конце апреля 1943 года и действительно заверил командование Центра, что берет на себя защиту его коллектива от диверсий и предательства. После этого армейские и абверовские заслоны были усилены заслонами сил СД. Но, как показали события, эти меры, скорее, способствовали усилению влияния и контроля штаба Гиммлера на Центр, нежели на его безопасность.

– В таком случае, – проскрежетал своими массивными челюстями-жерновами Кальтенбруннер, – благодарите господа, что вы не профессиональный военный, а инженер-машиностроитель, выпускник Шарлоттенбургской высшей технической школы, а значит, пока что все еще нужный нам доктор каких-то там наук. Хотя во всем, что здесь сейчас происходит, за километр просматривается разгильдяйство и предательство.

– Простите, господин обергруппенфюрер, но меня никто не смеет обвинять...

– Смеет, – прервал его начальник Главного управления имперской безопасности. – Вашему коллеге Рудольфу Небелю тоже казалось, что не смеет. Но я почему-то уверен, что его судьба, как и судьба его возлюбленной, вам известна²⁴. И мы еще хорошенько подумаем, что именно следует предпринять против всего того сброда, который накопился в Пенемюнде под вашим покровительством.

– Я уже обладаю кое-какими сведениями, – наконец пришел на помощь своему коллеге барон фон Браун. – В частности, что касается потерь среди научно-инженерного персонала.

– Инженерами займетесь вы, Скорцени, – молвил Каль-

²⁴ Инженер Рудольф Небель был одним из первых германских ракетчиков, обладателем нескольких патентов. После того как он не захотел расстаться со своими изобретениями, был арестован гестапо и, после шестимесячных экзекуций в берлинских застенках, закончил свои дни в концлагере Бауцен. В лагере погибла и его невеста.

тенбруннер, – а я пока займусь самым этим господином, охраной Центра, лагерем заключенных, а также службой безопасности и всем прочим.

– Яволь. Машина у вас, барон, надеюсь, имеется?

– «Мерседес». Вон там, у остатков дерева. За рулем я сам.

Водитель погиб, как и многие в эту ночь.

– Не вышибайте из меня слезу, фон Браун. На то, как и почему люди гибнут, я насмотрелся на всем пространстве – от границ рейха до Парижа и декабрьской Москвы. И вы прекрасно знаете, что интересоваться меня сейчас будет судьба другого человека – доктора Германа Шернера.

Браун устало взглянул на Скорцени и сокрушенно покачал головой.

– Мы его называли Пенемюнденским Умником.

– Мы всех вас называем умниками. Конкретнее.

– Скорее всего, он погиб.

– Что значит «скорее всего»?! – буквально прорычал обер-диверсант рейха. – Это не тот специалист, в отношении которого можно позволять себе гадать: погиб он или не погиб?!

– Садитесь в машину, сейчас мы увидим то, что осталось от его коттеджа. И никаких псалмопений, барон, никаких псалмопений!

– От коттеджа или от самого Шернера?

Вернеру фон Брауну едва перевалило за тридцать. Выше среднего роста, овальное, слегка удлиненное лицо с полу-

благородными чертами; широкий разлет густых, наискосок прилепленных, а потому кажущихся почти бутафорскими, бровей; медлительная, с нотками вальяжного превосходства, речь, в которой все еще четко улавливается восточнопруссский акцент.

С тех пор как Скорцени пришлось заняться подготовкой команды пилотов-смертников для пилотируемых ракет, создаваемых в Пенемюнде, он уже не раз обращался к досье барона, и прекрасно помнил, что аристократический рыцарский род его прослеживается до середины XVI века, а где-то там, в конце XVII века, его предок получил наследственный титул барона Богемии.

Что же касается родового гнезда баронов Браунов, то в течение нескольких веков им служил старинный замок Нойкен в Восточной Пруссии, недалеко от тех мест, где сейчас находится ставка фюрера «Вольфшанце». Кроме того, незадолго до войны его отец, капитан в отставке и член правления Рейхсбанка Магнус фон Браун, приобрел прекрасное имение Обер-Визенталь в Силезии, которое сразу же превратилось в своеобразный аристократический клуб силезско-германской знати.

– Вот то, что еще вчера было персональным коттеджем Пенемюнденского Умника, – ожил Вернер Браун, сумев проглотить нанесенную ему обиду.

Скорцени вышел из машины и осмотрелся. Перед ним высилась куча бревен, пригодных разве что для ритуального

похоронного костра. Однако следов прямого попадания не было: мощная бомба взорвалась рядом с коттеджем, обрушив его, но не предав пожару.

– Обер-лейтенант! – подозвал Скорцени офицера, который вел для спасательных работ на площадках Центра только что прибывшее пополнение. – Всех своих героев, всю роту – немедленно, быстро. Разметать эту свалку, и каждую бумажку, которая будет обнаружена под завалами, вы слышите меня – каждую бумажку, вплоть до туалетной, каждый клочок, вы обязаны вручить лично мне. Как и все то, что осталось от погибшего здесь человека. И никого, кроме своих солдат, к завалам не подпускать. Невзирая на чины. На все возражения ваш ответ должен быть один: «Таков приказ Отто Скорцени, личного агента фюрера по особым поручениям!»

– О, так вы и есть тот самый Скорцени?! – попытался было завязать знакомство обер-лейтенант, однако первый диверсант рейха жестко охладил его:

– ...Причем вы даже не догадываетесь, какой именно. – И тотчас же обратился к Брауну: – Чего мы ждем, барон? Где этот наш таинственный дисколет Шернера?

– Я догадывался, что вас заинтересует именно эта машина.

– Так какого дьявола возите меня по каким-то руинам, вместо того чтобы показать то, ради чего я примчался сюда из Берлина?

– Удивительное дело, – проговорил Браун, садясь за руль, – дисколет интересует сейчас буквально всех. Все видят в нем спасение. Но я уверен, что нам действительно удастся создать до конца войны хотя бы одну полноценную боевую машину этого типа. А ракеты уже существуют. Они становятся все эффективнее. Если мы хотим победить в этой войне, то все средства и силы следует концентрировать сейчас на ракетах дальнего радиуса действия. Кстати, замечу, что такого названия – дисколет Шернера этому аппарату никто не давал.

– Я знаю, как вы умеете убирать со своего пути конкурентов, барон, – не собиравшись щадить его самолюбие личный агент фюрера. – И я имею в виду не только Небеля, у которого вы, будучи студентом Берлинской высшей технической школы²⁵, подвизались в подмастерьях. И который, будучи германским офицером, еще в 1918 году обстрелял из самолета войска противника двумя ракетами собственного производства.

– А затем еврей Небель примкнул к пацифистам из международного общества «Пантера», – огрызнулся барон.

– Кроме того, мне непонятно, – спокойно продолжал Скорцени, – почему так долго до исследований в Пенемюнде не допускали профессора Германа Оберта. Несмотря на все

²⁵ Вернер Браун начинал свое образование в Цюрихской высшей технической школе, продолжил в Берлинской, а завершил студентом Берлинского университета Фридриха Вильгельма.

его просьбы. Хотя, как мне сказали сведущие люди, он разрабатывает принципиально новый тип ракеты – многоступенчатой, идея которой вроде бы выдвинута еще Циолковским. И докторская Оберта называлась... – обер-диверсант извлек из кармана небольшую записную книжечку.

– «Ракета в межпланетном пространстве», – неохотно подсказал Браун. – Защитил в 1923 году. Но это еще ни о чем не говорит. А вот то, что ракета Оберта в межпланетном пространстве так и не побывала, – неоспоримый факт. И потом, не забывайте, что он, германец по национальности, стал гражданином Румынии.

– Но ведь он отмолил бы этот грех, барон! Он отмаливал бы свой страшный грех вхождения в румынство каждый день, стоя на коленях у ворот Пенемюнде. Но стоя, заметьте, со своими чертежами в руках. С чертежами, барон, которые абсолютно никому не нужны в некоем глухом городишке Медиаш, на краю забытой Богом Румынии; но которые оченьгодились бы англичанам, не говоря уже о русских.

Браун оскорбленно поджал губы, но промолчал. Он и в самом деле никогда не забывал о том, как сложилась судьба Небеля. Однако после минутного молчания все же произнес:

– Теперь-то мы не отталкиваем Оберта. Он стал профессором Венской высшей технической школы, его идеи используются.

Маскировочно заваленная каким-то строительным мусо-

ром, бетонная площадка, под которой находился ангар дисколета, действительно почти не пострадала.

– Странно: ни одна бомба не упала в радиусе десяти метров от ангара, хотя вокруг все дыбилось от взрывов, – мрачно проговорил барон, выходя из машины и нажимая на кнопку звонка на двери, за которой скрывались часовые. – Очевидно, англичане, чья разведка неплохо поработала перед этим налетом, так и не узнали, что же содержится в этом ангаре.

– Или же, наоборот, прекрасно знают, что там скрывается, ибо разведка их действительно хорошо поработала. И теперь они будут охотиться за конструкторами или же рассчитывают захватить дисколет в его натуральном виде.

– Во всех ваших суждениях просматривается логика диверсанта.

– Там просматривается уважение к моим коллегам из вражеского лагеря.

Прежде чем войти в ангар, Скорцени почти ласково попросил фельдфебеля, дежурившего за дверью, в специальном бетонном «колпаке», связать его с дежурным офицером Центра. А когда офицер взял трубку, велел немедленно прислать к ангару десяток эсэсовцев, приказав им на пушечный выстрел никого не подпускать к данному объекту.

В первом подземном зале Браун показал ему три макета дисколетов, испытания которых завершились неудачами. Скорцени с любопытством осмотрел их. Все они напоминали разных размеров диски с насаженными на них сверху и

снизу корабельными орудийными башнями, только значительно расширенными у основания.

В центре верхних башен, конфигурация которых в каждой из моделей была своеобразной, располагались прозрачные кабины пилотов. Вокруг этих массивных башен-кабин и вращались широкие кольца с лопастями, напоминавшими расширенные спицы мотоциклетного колеса. И покоились эти упорно не желающие летать летательные аппараты на четырех резиновых авиационных колесах.

– Вы стоите сейчас у самого первого опытного образца, – взял на себя роль гида Вернер Браун. – Сконструирован он был группой инженеров во главе с доктором Шривером. Диаметр пока был небольшой, всего пять метров. Управлял один пилот. Использовались два двигателя: обычный поршневой и жидкостно-ракетный. Будущее, как я считаю, именно за этим жидкостным ракетным двигателем, разработанным профессором из Киля, членом Имперского исследовательского совета Гельмутом Вальтером. Хотя Шернер считал двигатель очень несовершенным. Он вообще ко всему, что было создано в этой области до него, относился слишком скептически.

– Иначе мы не называли бы его Пенемюнденским Умником, – заметил Скорцени, не обращая внимания на то, что Браун как-то слишком уж поспешно заговорил о своем коллеге в прошедшем времени. – Однако обратимся к нашему летающему колесу.

– Оно так и не взлетело. Поднялось всего на два-три метра над испытательным полигоном и грохнулось на землю.

– Но все-таки поднялось. А вы говорите: «Не взлетело»!

Впервые за все то время, которое они общались, Браун взглянул на Скорцени с нескрываемым интересом.

– Знаете, мне нравится, что вы подходите к проблеме дисколотов именно так, как вы это делаете. Даже пять сантиметров над землей для такого диковинного аппарата – уже полет!

– А что вам мешает относиться к этой проблеме с таких же позиций?

– Высокие инспекции из различных инстанций. Все они требуют немедленно дать им на вооружение некое, доселе невиданное, оружие возмездия, а всякую неудачу на пути к его созданию расценивают как окончательный крах, бездарность ученых, а то и вредительство.

– Можете считать, дорогой штурмбаннфюрер Браун, что отныне все инспекции отменяются. Инспектировать вас буду только я как офицер СД, отвечающий за разработку оружия особого назначения. Однако – к делу... Что произошло с пилотом этого диска?

– Он уцелел, больше пострадав от вибрации, нежели от падения. Жуткая вибрация – бич данной машины. Кстати, собирали мы этот аппарат в Чехии, на заводе «Ческо Морава», и испытывали на его полигоне.

– Никогда не сомневался, что чехи – технически наиболее

подготовленная нация. После германской.

– Если бы только они не оставались при этом чехами.

– Вы безжалостны, Браун.

– Второй аппарат достигал почти семи метров в диаметре, расчетная горизонтальная скорость его порядка семисот километров в час, взлетно-посадочная – шестьдесят. И всего один пилот. Высота, на которую сумел подняться этот дисколет незначительна. При полете отмечалась крайняя неустойчивость.

– Считаете, что теоретически, еще до строительства аппарата, при его проектировании, все эти недостатки учесть невозможно было?

– Мне не хотелось бы давать оценки своим коллегам.

– Вы обязаны это делать, Браун. Иначе кому нужен такой технический директор ракетного центра?

– Кое-что, конечно, можно было предусмотреть. Но ведь когда конструктор подпадает под магнетизм собственного изобретения, он перестает критически оценивать многие свои технические решения, а главное, поскорее стремится воплотить свои фантазии в реальный аппарат.

– Какой в этом смысл? При неудаче он ведь может потерять право на дальнейшую разработку.

– И все-таки решаются, – мстительно улыбнулся барон фон Браун. – Наверное, опасаются, что их тоже постигнет судьба Небеля. И они так никогда и не увидят свое детище воплощенным в металле.

– В каждой профессии существует свой риск, – философски признал обер-диверсант рейха.

Браун вновь улыбнулся, однако на сей раз уже не столь мстительно.

– Третий аппарат, – продолжил он свой рассказ, – в натуральную величину выглядел настоящим гигантом – двадцать один метр в диаметре. Экипаж – три человека. При взлете скорость достигала около трехсот километров, а горизонтальная скорость – чуть более двухсот. Создавался он в виде летающего танкобомбардировщика, оснащенного, как следует из модели, башенными орудиями, пулеметами и бомбовым запасом. Этот экземпляр продержался в воздухе уже целых пятнадцать минут, после чего тоже благополучно разбился. Экипаж, как вы сами понимаете, погиб. А теперь перейдем во второй, нижний зал, в котором находится еще незавершенный аппарат Шернера...

8.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

...Готт и уже находившийся рядом с ним командир группы военных гидропилотов гауптштурмфюрер СС Эрих Крозетт стояли на открытой части мостика и действительно были крайне встревожены.

– Так что тут у вас, высокое собрание, происходит? – как можно спокойнее поинтересовался фон Риттер.

– Субмарина! – дуэтом прохрипели офицеры.

– Что?!

– Сзади по борту, в полумиле от нас, – ткнул своим биноклем в серое пространство фрегаттен-капитан, заставляя Риттера и себя припасть к окулярам бинокля.

Сомнений быть не могло: там, посреди свинцового предледового поля Антарктики, застыло черное тело подводной лодки, на мостике которой едва уловимо вырисовывались две фигуры моряков.

– Извините, капитан, но мне ничего не было известно о субмарине сопровождения, – как бы извиняясь за излишнюю встревоженность, проговорил Теодор Готт.

– Представьте себе, высокое собрание, мне тоже, – все еще не отрываясь от мощного бинокля фон Риттер. – Скоман-

дуйте: «Стоп машина!»

– Уже скомандовал, движемся по инерции. Откуда же она здесь взялась и под каким флагом ходит?

– Что не под германским – это уж точно, иначе командир не устраивал бы здесь эти «выходы на публику», да еще с такими паузами.

– Как я и говорил, фон Готт, вражеская! – вмешался в их разговор командир морских пилотов.

– Не такая уж и вражеская, если мы до сих пор все еще болтаемся на поверхности, – заметил Риттер. – И потом, я не припоминаю, чтобы в этой части мира мы с кем-то враждовали.

– Все равно объявите тревогу и дайте разрешение на взлет моего самолета.

– Надеюсь, вам как морскому пилоту известно, за сколько секунд торпеда преодолевает расстояние в полмили? Поэтому стойте и не суетитесь. А вы, фон Готт... Что вы мааетесь? Радист предупрежден? Связь с субмариной устанавливать пробовали?

– Так точно. Их радист отморзянил традиционное: «Командир требует командира».

– Так прикажите ему связаться еще раз. Пусть передаст: «Командир на связи» – и предложит их командиру установить прямую радиосвязь со мной.

– Есть установить прямую радиосвязь! Кстати, субмарина приближается.

– Конечно же, приближается. Иначе какого дьявола ее командиру нужно было гнаться за «Швабенландом»?

В эти минуты Риттер все еще был уверен, что это – субмарина сопровождения, о существовании которой его, по каким-то особым соображениям, не уведомили.

Тем временем подлодка все приближалась и приближалась, и на командном мостике ее стоял теперь только один человек. Риттер видел, как он поводит биноклем из стороны в сторону, осматривая почти полностью закрытые, на арктический лад оборудованные палубы его судна с их раздвижными бортовыми стенками.

«Хотел бы я знать, кто они и что им нужно, – молвил про себя капитан цур зее, уже сожалея, что на судне все еще не объявлена тревога. – К чему эта игра в таинственность, да к тому же работая под «капитана Немо»?

– Командир субмарины на связи! – прервал сумбур его размышлений голос фон Готта. – Сам вышел.

– Вот это уже по-флотски, – проворчал Риттер, приближаясь к аппарату радиосвязи. – Представился?

– Нет.

– А меня вы представили? – Не снимая кожаных перчаток, фон Риттер поразмял пальцы обеих рук, словно готовился к кулачному бою.

Эта привычка досталась ему в наследство от полярных мытарств, во время которых он несколько раз подмораживал руки. Однако в глазах тех, кто не знал ее происхождения, по-

добная разминка, сопровождаемая суровостью лица и жесткостью взгляда, всегда впечатляла своей воинственностью.

– Тоже нет.

– В общем-то, правильно.

– Как проходит плавание, барон фон Риттер? – дал понять ему командир субмарины, что представляться нет смысла. И обращался к нему на английском.

– До появления вашей субмарины – без происшествий. Чем обязаны визитом, высокое собрание?

– У меня на борту пассажир, который хотел бы встретиться с вами.

– Он шел на субмарине из Англии, чтобы встретиться со мной здесь, у Берега Принцессы Астрид? Кто он такой?

– Мы не находимся на службе в Английском королевском флоте и встретили вас чуть южнее Порт-Ноллота, что на западном побережье Южной Африки. Кроме того, как вы уже поняли, мы с вами – союзники.

– Под каким же флагом вы ходите?

– Считайте, что под флагом Антарктиды.

– То есть? Как это понимать?

– Подробности – не для радиоэфира. Пусть даже антарктического. И потом, не следует все воспринимать в буквальном смысле слова. Главное вы уже услышали: мы – союзники.

– Несмотря на некоторое наше вооружение, «Швабенланд» все же не военное, а, скорее, научно-экспедиционное

судно.

– Предположим, что так оно и есть, – саркастически заметил командир субмарины.

– К тому же Германия ни с одной из стран Атлантики не воюет. Поэтому такое понятие, как «союзник»...

– Мы прекрасно знаем, с кем и когда Германия собирается воевать, – спокойно парировал подводник.

– Сомневаюсь. По-моему, этого пока что не знает никто, даже фюрер.

– Вы совершенно правы: фюрер – да, пока что не знает. Но придет время, и ему укажут на ту страну, в которую он должен будет ввести свои войска.

Услышав это, фон Риттер на какое-то время потерял дар речи. Он ожидал услышать что угодно, только не это. Понадобилось какое-то время, чтобы, придя в себя, он смог спросить:

– Кто же тот человек, который укажет фюреру, на какую страну он обязан нацелить войска?

– Имени этого человека я не знаю. Но если у него и есть имя, то это не имя Бога. Хотя и не уверен, что его следует считать обычным, в нашем понимании, человеком. Можете называть его просто Повелителем. Зато я знаю, кто донесет до Адольфа Гитлера волю Повелителя.

– Так продайте же эту тайну, назовите его имя нашему высокому собранию! – не удержался фон Риттер.

– Им будет тот человек, который находится сейчас на моей

субмарине в качестве, ну, скажем так, нашего пассажира.

– Вот как?! Это уже серьезный аргумент. А свое имя, хотя бы свое, вы можете назвать?

– Оно особой тайны, как, впрочем, и особой ценности не составляет.

– Так представьтесь же высокому собранию! А то ведь мое имя вам почему-то известно...

– Уже хотя бы потому, что известно оно мне было задолго до того, как английские газеты сообщили о вашей экспедиции.

– Странно, я-то считал, что она является секретной.

– Вы что, действительно намеревались скрытно проскользнуть от Гамбурга, из порта которого вышли еще 17 декабря, до Антарктиды, двигаясь к ней почти целый месяц?! Притом, что почти в течение полугода чуть ли не вся германская элита готовилась к этой экспедиции?! Вы меня, капитан цур зее и штандартенфюрер СС барон фон Риттер, удивляете.

– Вы так и не назвали себя! – прорычал фон Риттер, чувствуя себя так, словно бы его только что отхлестали по щекам. – Или, может быть, мне прервать этот затянувшийся разговор?!

Барона уже начинало выводить из себя это лихое и наглое всезнайство командира субмарины, которому он ровным счетом ничего не мог противопоставить. Ни одного факта, ни одного предположения относительно того, с кем его здесь,

на краю Атлантического океана, свела судьба.

– Зовите меня просто: капитан Блэк, – голосом школьного учителя представился наконец нахальный моряк.

Риттер, конечно, понимал, что командир субмарины получил право на этот «подготовительный» диалог с ним. Потому что сведения, которые он как командир «Швабенланда» сумел почерпнуть из его словес, существенно подготавливали к разговору с тем человеком, который наверняка стоял сейчас рядом с капитаном Блэком и терпеливо ждал того момента, когда «германец наконец созреет для серьезного разговора».

– Честь имею, капитан Блэк, – как можно вежливее произнес Риттер, не сомневаясь в том, что англичанин-субмаринник назвался тем первым именем, которое пришло ему на ум. – ...И все же вы что-то там говорили о предстоящих войнах Германии, о которых сама Германия пока еще не знает. Не вернуться ли нам к этому разговору?

– Не знает. Пока что. И в этом, представьте, ее счастье. Однако мы с вами, капитан цур зее, моряки, а не дипломаты, и все, что я обязан был сказать вам, я уже сказал. Вы готовы встретиться с моим пассажиром?

– Так, может быть, вы и его представите?

– Мой пассажир – тот человек, без которого ваша экспедиция в Антарктику не состоялась бы, а если бы и состоялась, то не имела бы смысла.

– Очень интригующе! – не намерен был скрывать своего

сарказма барон фон Риттер. – Сейчас я угадаю, кто он: Иисус Христос? Нет, апостол Павел?

– Он посланец Тибета.

– Значит, я почти угадал.

В ответ капитан цур зее услышал лишь мужественное побряхтывание капитана Блэка, которому, наверное, стоило немалых усилий, чтобы воздержаться от столь же вьедливо-го замечания.

– Господа Гитлер и Геринг знают его еще и как Консула Внутреннего Мира.

На этот раз пришла очередь Риттера столь же мужественно побряхтеть, однако, поняв, что нормального человеческого имени пассажира субмарины ему так и не услышать, примирительно сказал:

– Понятия не имею, о каком Внутреннем Мире идет речь. Но коль уж он здесь... Кто бы он ни был, этот ваш Консул, и какой бы мир ни представлял, жду его на палубе «Швабен-ланда».

– Консул?! – оживился Готт, вспомнив недавний разговор с Норманией. – Он назвался Консулом?

Командир авианосца никак не отреагировал на его вопрос, однако острой необходимости в этом уже не было. Как бы барон фон Риттер ни отреагировал на его оживание, суть уже была ясна: там, на субмарине, находится тот, от которого он, фон Готт, должен получить задание. А значит, ночь загадок наконец-то кончилась.

Почувствовав, что в каюте капитана субмарины произошло какое-то замешательство, Риттер прикрыл микрофон ладонью и, обращаясь к барону фон Готту, едва слышно произнес:

– Радисту срочно выйти на радиста африканской станции и через него – связаться с рейхом. Пусть объяснит, что здесь происходит, и сообщит, что мы ждем разъяснений адмирала Редера, маршала Геринга или кого бы то ни было. Если только им что-либо известно о причинах визита этой субмарины...

– Есть связаться с рейхом!

9.

Октябрь 1943 года. Германия. Замок Викингбург на побережье Северного моря. Северная ставка гросс-адмирала Карла Деница.

Стоя на оборонительной галерее сторожевой башни Викингбурга, гросс-адмирал очарованно наблюдал, как, всплывая одна за другой, в бухту входят субмарины. Черные, лоснящиеся на солнце тела их напоминали тела огромных, доселе невиданных морских животных. Неведомые, не имеющие ни имени, ни земной родословной, уже самим видом своим эти существа внушали какой-то мистический страх. Словно их появление у заселенных берегов предвещало гибель всей земной цивилизации.

Гросс-адмирал вдруг представил себе, как эти не знающие пощады «динозавры моря» появляются, на фоне айсбергов и бесконечной ледяной пустыни, у фиордов Антарктиды.

Дениц давно мечтал о том дне, когда сам сможет сойти с одной из субмарин на землю Новой Швабии²⁶. О том да-

²⁶ Швабией называется историческая область Германии, расположенная в современных землях Баварии, где существует административный район Швабия, и Баден-Вюртемберга. Однако в былые времена она охватывала также часть северной Швейцарии и Эльзаса. Объединены швабы особым германским диалектом и, по одной из версий, представляют собой потомков одного из германских племен или племенного союза. Территорию в Антарктиде немцы называли Новой

леком дне, когда ему действительно представится такая возможность. Если только представится.

Но уже сейчас Дениц ловил себя на мысли, что даже его, «фюрера подводных лодок», не посвящают во все тайны того, что же на самом деле происходит в «подземном Эдеме» Новой Швабии. И это больно ударяло по его самолюбию: «Коль уж мы вместе – то вместе, якорь вам всем в брюхо! И вперед, за вожаком!»

Если бы речь шла только об основании там сети военных заводов и конструкторских бюро, занимающихся созданием сверхсекретного оружия, – это еще было бы простительно. В конце концов, существуют секреты «циклопов Геринга», как они у себя, в штабе Кригсмарине, называли фауст-ракетчиков, вникать в которые ему попросту нет смысла, и секреты так называемого Внутреннего Мира. Которые тоже не очень-то интересовали Деница. Находят же доселе неведомые племена в бассейне Амазонки и в африканской саванне. Так почему одно из этих племен, пусть даже и высокоразвитое, не может оказаться в подземельях Антарктиды? И вообще, его как главкома флота интересовали тайны не новой, а старой Швабии.

Ему уже было понятно, что фюрер, Гиммлер и Геринг задумали нечто более грандиозное, явно не вписывающееся в программу испытания Фау, рассчитанных на обстрел Лондона; такое, о чем даже он, гросс-адмирал, пока что имеет

Швабией потому, что исследование ее проводилось с борта судна «Швабенланд».

смутное представление. Очевидно, речь идет о создании новой расы германцев, расы СС; о сотворении нового, Четвертого, теперь уже подземно-антарктического, рейха, цивилизация которого будет формироваться на основании то ли рекомендаций неких Высших Посвященных, переселившихся по просьбе фюрера с тибетской Шамбалы, то ли поучений инопланетян, прибывших в Новую Швабию на «солнечных дисках».

– Расы СС! – вслух проворчал Дениц, но, вспомнив, что адъютант все еще стоит у него за спиной, счел, что подобные диалоги с самим собой благоразумнее вести, не доверяясь даже такому насквозь просоленному морскими ветрами товарищу, как Наубе. – Кого это не устраивает нордическая раса арийцев? И почему СС пытается присвоить себе право на основание новой расы? Или, может, прикажете теперь всем нам подаваться в СС? Впрочем, могут и приказать, – возразил он себе.

И все же эта идея с расой СС решительно не нравилась Деницу, причем не только потому, что сам он в «Шутцштаффель»²⁷ не состоял и состоять не собирался. Гросс-адмирал ничего не имел против сотворения новой нордической расы, но это – считал он – должна быть раса германцев. Нордическая германская раса! – вот что должно было зарождаться в ледовом расовом инкубаторе Новой Швабии! И никто не

²⁷ «Шутцштаффель» – германское название организации, известной нам под аббревиатурой СС.

способен был убедить его, что носителями всех святостей этой нордической расы следует считать эсэсовцев. Хотя и стремились убедить.

Несколько раз какие-то умники из института «Аненербе»²⁸ и из штаба Геринга пытались просвещать его по поводу Шамбалы, инопланетных пилотов и космологической теории «полой Земли», которая как раз и нашла свое подтверждение в существовании «подземного Эдема» в Антарктиде. Но Дениц всякий раз прекращал эти попытки словами: «Я – простой моряк. Если вам нужны мои “волчьи стаи” из “Конвой фюрера”, вы их – коль будет на то воля самого фюрера – получите. Но я знаю, что море – это море, а берег – это берег. В том числе и берег подо льдами, именуемый “Антарктидой”. Все остальное меня попросту не интересует».

После таких ответов просветители даже не пытались скрывать своего разочарования, и Дениц был уверен, что такое же разочарование передавалось тем, кто их направлял. И кто знает, как долго это может продолжаться? Не кончится ли это противостояние тем, что однажды его тоже запишут

²⁸ Аненербе» (Аннербе) – официально назывался Институтом военных исследований. Однако в его структуре существовали отделы, которые занимались проблемами определения чистоты расы, оккультными науками, связями с Высшими Неизвестными (Посвященными, пребывающими то ли в тибетской Шамбале, то ли еще где-то), а также развитием теории «полой Земли», исходя из которой и велись поиски входа во Внутренний Мир нашей планеты в районах Арктики и Антарктиды. Институт находился под общим руководством рейхсфюрера СС Гиммлера. Непосредственным его руководителем был некий ученый Вольфрам Зиверс.

в ненадежные, в предатели рейха или еще куда-либо?

Гросс-адмирал, конечно, старался храбриться, однако он понимал, что мнение, которое складывалось о нем у этих навязчивых просветителей, в той или иной степени влияет на его положение при «дворе» фюрера. И рано или поздно может настать момент, когда он окажется в числе таких же неугодных руководителей, в которых неожиданно для себя и многих высших чинов армии и разведки оказался шеф абвера²⁹ адмирал Канарис. К слову, тоже адмирал...

Каковым же было его удивление, когда Рейнхард Гейдрих, возглавлявший в то время Рейхзихерхайтсхауптamt³⁰, однажды обронил:

– Вы мудрый человек, Дениц.

– Благодарю за столь высокое признание, – высокомерно ухмыльнулся гросс-адмирал.

– Среди прочего, ваша мудрость проявляется еще и в том, что, в отличие от многих других, вы не пытаетесь проникать в те тайны рейха, в которые зачастую пытаются проникнуть люди, которым это вообще-то ни к чему.

²⁹ Абвер – разведывательная служба Верховного командования вооруженными силами Германии. Летом 1944 года абвер был ликвидирован, а Канарис арестован как предатель рейха и весной 1945 года расстрелян по личному приказу Гитлера.

³⁰ Рейхзихерхайтсхауптamt – германское название Главного управления имперской безопасности (РСХА), которое Рейнхард Гейдрих, имевший прозвища «Человек с железным сердцем» и «Козел» (за его высокий, с гундосиной, голос), возглавлял с 1939 года и до дня своей гибели от рук чешских партизан на окраине Праги 4 июня 1942 года.

– Ну, я не думаю... – с великосветской учтивостью попытался было усомниться гросс-адмирал, однако Гейдрих заставлял этот разговор не для того, чтобы они расшаркивались друг перед другом, демонстрируя наследственную воспитанность.

– Просто они становятся жертвами собственного любопытства. Фюрер, который давно считает, что о том, что на самом деле происходит в подземельях Новой Швабии, должны знать только те люди, которым доверено создавать там Рейх – Атлантиду, ценит эту вашу черту.

– И с этим стоит согласиться.

– Он ценит ее, Дениц, – продолжил свою мысль Гейдрих, – и сейчас, в связи со сложившимися обстоятельствами, это очень важно.

– К тому же я прекрасно знаю, что люди, которые имели неосторожность стать жертвами собственного любопытства, тотчас же становятся жертвами любопытства к ним сотрудников Главного управления имперской безопасности, – не упустил Дениц возможности напомнить Гейдриху и его людям, кто они есть на самом деле и как много невинной крови на их совести. Однако шефа РСХА это не шокировало.

– Но ведь вас это не касается, – как можно внушительнее произнес шеф службы безопасности СС. – Вас ведь останавливает не страх перед Гейдрихом, – поиграл желваками Гейдрих.

– Меня останавливает страх перед тем, что, погубив Тре-

тий рейх здесь, в Германии, мы погубим саму Германию, которую подо льдами Антарктиды нам уже не возродить.

– Так и доложить фюреру? – как бы между прочим поинтересовался Гейдрих.

– Так и доложите.

Начальник Главного управления имперской безопасности на какое-то время впал в мрачное глубокомыслие, а затем, еще раз удивив Деница, решительно прогундосил:

– Нет, не доложу.

– Не решаетесь? И что же вас сдерживает, позвольте любопытствовать, господин обергруппенфюрер?

– Можно подумать, что вы будете настаивать на этом! Вы что, не понимаете, насколько это опасно?

– Не надо бояться за меня Гейдрих, – по-великосветски холодно возмутился гросс-адмирал.

– Кто вам сказал, что я боюсь за вас, Дениц? – взорвался своим высоким фальцетом Гейдрих.

– А за кого же?

– Я не за вас боюсь, Дениц, – когда он волновался, то всегда по множеству раз повторял имя или фамилию своего собеседника. – Я, Дениц, боюсь за фюрера, который, услышав ваши, гросс-адмирал Дениц, пораженческие философствования относительно Новой Швабии, может заразиться ими, как смертоносными бациллами.

– Вот и уберегите его от этих бацилл! – насмешливо молвил гросс-адмирал, еле удержавшись от того, чтобы откры-

тым текстом сказать ему: «Так не доносите на меня фюре-ру!»

– Я за будущее Рейх-Атлантиды боюсь, Дениц, – не желал выбиваться из отрепетированного им монолога начальник РСХА. – И до тех пор бояться буду, пока германским флотом командуете вы, наш непобедимый Нельсон-адмирал³¹ Дениц!

³¹ Имеется в виду знаменитый английский вице-адмирал Горацио Нельсон (1758–1805), разгромивший в 1805 году испано-французскую эскадру в Трафальгарском сражении.

10.

Октябрь 1943 года. Германия. Замок Вебельсберг в окрестностях Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия.

Просмотрев последнюю страницу, штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени закрыл папку, на которой был начертан непривычный для «канцеляристики» СД гриф «Исключительно секретно. Доступ только с личного разрешения рейхсфюрера СС Гиммлера», и еще несколько минут сидел, отрешенно вглядываясь в золотистый, на изысканном коричневом бархате тисненый, герб рейха³².

Это и была та сверхсекретная папка под названием «База-211»³³, по материалам которой ему предстояло начинать свое знакомство со всем, что касалось антарктических амбиций Гиммлера, исследований Новой Швабии подводниками Деница и пилотами Геринга, и, наконец, сотворения Рейх-

³² В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) тридцатичетырехлетний гауптштурмфюрер (капитан войск СС) Отто Скорцени появился лишь в начале марта 1943 года. Доступ к столь секретным материалам он получил как начальник отдела диверсий Управления зарубежной разведки РСХА и личный агент фюрера, прекрасно зарекомендовавший себя во время операции по освобождению из-под ареста Бенито Муссолини.

³³ Исторический факт. Именно так «База-211» была закодирована операция по созданию германской базы в подземельях Антарктиды.

Атлантиды всеми теми, кому выпала такая участь.

«А ведь когда-нибудь наши потомки будут воспринимать материалы этой папки, как первоисточники для такого себе Рейхантарктического Ветхого Завета, в котором будет воссоздана новобиблейская легенда о сотворении нового континента, новой цивилизации, новой расы, – предался своим фантазиям первый диверсант рейха. – Любая имеющаяся здесь бумажка – на вес свитка папируса».

Штурмбаннфюрер еще раз бегло полистал документы, останавливая свое внимание на тех или иных сообщениях, замечаниях и примечаниях, а главное – на подписях под ними. Сейчас его интересовал круг людей, связанных тайной Новой Швабии, их возможные расхождения во взглядах на вопрос об освоении подземелий Антарктиды, на государственное и политическое устройство Рейх-Атлантиды.

Уже теперь, на этом этапе знакомства с проблемой рейхсатлантов, Скорцени пытался уяснить для себя, о чем, собственно, идет речь: об обычной военно-морской базе Германии на ледовом континенте, которая бы позволила рейху контролировать Южную Атлантику, Южную Африку и Латинскую Америку; или же под завесой особой секретности закладываются основы совершенно иного государства, иной нации, иной расы? И все это – под реальной угрозой краха Третьего рейха.

«Интересно, существует ли у этой папки двойник? – неожиданно для самого себя задался вопросом первый ди-

версant рейха. Такие вопросы он обычно называл вопросами из подсознания. – Наверное, должен существовать. Но в таком случае следы его следует искать в сейфах службы безопасности Рейх-Атлантиды. Причем в случае опасности двойник этот тоже подлежит уничтожению».

А еще Скорцени очень хотелось бы знать, ознакомлен ли сам фюрер со всеми подробностями этой операции. И если ознакомлен, то существуют ли фюрерские копии всех этих бумаг? И вообще, все ли этапы и нюансы операции «База-211» в них отражены?

В последние дни штурмбаннфюрер жил в предчувствии того, что «триумфальный въезд в Берлин» завершен, и его, как первого диверсанта рейха и личного агента фюрера по особым поручениям, ждет очередное задание. Которое тоже может быть только очень трудным, поскольку теперь уже фюрер и его ближайшее окружение почему-то поверили, что ничего невозможного для Скорцени просто не существует.

Отто понятно было происхождение этих диверсантских иллюзий: лишь недавно, в начале сентября, он завершил операцию «Дуб», которая, исходя из сугубо пропагандистских целей, была теперь окончательно рассекречена и называлась так, как и должна была называться: «Похищение Муссолини». Но только сам он, первый диверсant рейха Отто Скорцени, по-настоящему понимал, что вера в его всемогущество и бесстрашие – всего лишь иллюзии. Как понимал и то, что убедить фюрера, что существуют операции, которые не под

силу даже Скорцени, будет так же трудно, как еще недавно – убеждать, что невыполнимых заданий для Скорцени попросту не существует.

А операция действительно была изумительной. Уже на второй день после ареста дуче преданными королю Италии офицерами карабинеров фюрер пригласил Скорцени к себе в «Волчье логово» и, прежде чем дать задание, долго и молча прохаживался перед ним по кабинету. Казалось, он был сосредоточен на каких-то своих мыслях и совершенно забыл о стоявшем у двери обер-диверсанте рейха. Но именно тогда, когда Скорцени окончательно убедился в том, что фюреру сейчас не до него, тот приблизился, уткнулся взглядом куда-то ему в грудь и едва слышно проговорил:

– Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Он арестован, Скорцени, вы понимаете это?

– Да, мой фюрер, понимаю: Муссолини арестован. Гитлер отошел к своему письменному столу, взял в руки какую-то папку с бумагами, подержал ее на весу, но потом осторожно, словно опасался, что папка может взорваться, положил именно на то место в правом углу огромного стола, на котором она лежала. Скорцени так до сих пор не узнал и вряд ли когда-нибудь узнает, что именно было в этом досье. И предназначалось ли оно для него или же фюрер взял эту папку случайно, разнервничавшись.

– Поэтому у меня для вас важное задание, Скорцени, – он

опять приблизился к первому диверсанту рейха и – худой, с запавшими щеками, весь какой-то издерганный – стоял передним, как пилигрим перед статуей апостола Петра, последней своей надежды. – Муссолини нужно спасти, гауптштурмфюрер. Его немедленно надо спасти, иначе эти предатели из Рима выдадут его союзникам.

– Понимаю: его немедленно выдадут, – подвергаясь магии какой-то астральной силы фюрера, проговорил Скорцени.

– Поручаю эту операцию, имеющую большое значение для дальнейшего ведения войны, вам. Конечно же, вы обязаны хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек. Только пять, включая вас. Причем вы лично отвечаете передо мной за строжайшее сохранение этой тайны.

Скорцени уже не мог гарантировать, что воспроизводит сказанное фюрером дословно, но что смысл его задания и напутствия были именно такими, мог ручаться.

Впрочем, дело, собственно, не в словах. Папка – вот что не давало ему покоя! Когда пришла пора мучительных поисков того места, где итальянцы содержали Муссолини, – а, как оказалось, место это они постоянно меняли, – Скорцени не раз вспоминал об этой папке в руках фюрера, словно о некоей несостоявшейся подсказке.

«Кто знает, – размышлял он, – возможно, содержащиеся в ней данные, уже добытые германскими разведчиками и итальянскими осведомителями, как раз и помогли бы мне в по-

исках следов дуче, навели на какие-то его связи, на имена доверенных людей...»

Ну а потом... Потом был итальянский аэродром «Пратика де Маре», отчаянная высадка его парней из планеров на вершину Аbruццо, где Муссолини под охраной почти двух сотен карабинеров содержали в туристическом отеле «Кампо Императоре», и, наконец, двухместный самолетик «Физелер Шторьх», который, предельно утяжеленный самим Муссолини и его наполненным всевозможной писаниной чемоданом, лишь каким-то непостижимым чудом сумел взлететь с небольшого каменистого пятачка.

Действительно, только чудом, да еще потому, что, когда летчик заявил, что самолет перегружен и, исходя из своих технических характеристик, взлететь не способен, Скорцени в ту же минуту ткнул пистолетом в его затылок.

Один из помощников Геббельса, набивавшийся к Скорцени в биографы, вскоре вручил ему текст того, первого важного правительственного сообщения, которое под звуки фанфар прозвучало по германскому радио: «Ставка фюрера сообщает: германские парашютные войска, служба безопасности и войска СС под командованием одного венского фюрера СС осуществили сегодня операцию по освобождению дуче, захваченного в плен кликой изменников. Внезапный налет увенчался успехом. Операция стоила больших потерь. Дуче находится на свободе».

Какой убийственный, воистину достойный первого дивер-

санта рейха лаконизм!

«Если бы у вас, Скорцени, были завистники, их бы очень устроила та секретность, с которой “внебрачные сыны Геббельса” из “Германского радио” преподнесли народу ваш подвиг», – с присущим ему мрачным юмором заметил командир дивизии «Дас рейх» бригадефюрер Пауль Хауссер; той самой дивизии, в рядах которой в свое время Скорцени дошел почти до Москвы³⁴.

«А что, у меня завистников нет? Мне они не положены?».

«Теперь их уже действительно нет. Когда офицера начинают именовать самым страшным человеком Европы, у него появляются не завистники, а подражатели и последователи. Вы слышите меня, Скорцени: подражатели и последователи! Я, старый солдат, понимаю это именно так!»

«Впрочем, даже если бы они и появились, – взбодрился Скорцени. – Как говорили древние: “Упаси нас господь от друзей, а с врагами мы как-нибудь сами справимся”».

«Вы недооцениваете себя, Скорцени. После всех этих итальянских дел ваша слава достигла такой святости, что завидовать вам может решиться разве что фюрер. А фюрер, как известно, не завидует. Он открывает перед каждым из нас такое поле славы, на котором каждый может пройти весь путь,

³⁴ Эсэсовская дивизия «Дас рейх», в составе которой воевал Скорцени, была остановлена в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы. Перед этим значительную часть своего состава дивизия потеряла в боях под Ельней.

от Рыцарского креста³⁵ – до могильного и от могильного – до Рыцарского. Я, старый солдат, понимаю это именно так...»

Впрочем, сам Хауссер не стал ждать, когда при произношении фамилии бывшего унтершарфюрера³⁶ его дивизии начнут изощряться фанфары. Узнав, что спасенный от виселицы Муссолини всего лишь наградил Скорцени орденом Ста мушкетеров, который после его, дуче, свержения ровным счетом ничего не значил и приколоть который на грудь своего спасителя дуче тоже не сможет, поскольку не запасся им, бригадефюрер СС Пауль Хауссер, располагавшийся в то время со своим штабом в Северной Италии, воинственно расхохотался. Он был поражен.

«Подвиги моих офицеров так не отмечают! – орал он в телефонную трубку, беседуя с Гиммлером, который, как поговаривали, и сам побаивался этого напористого фронтового генерала. – И я никому не позволю забыть, что свой первый офицерский чин герой нации Скорцени получил в дивизии “Дас рейх”. И что получил он его не за охрану женских концлагерей, как некоторые, а доблестно сражаясь под Москвой!»

А в телеграмме, которую комдив велел своим штабистам срочно направить Скорцени, сообщалось, что он, Хауссер,

³⁵ Имеется в виду германский орден «Рыцарский крест».

³⁶ В дивизии «Дас рейх» Скорцени начинал службу в чине унтер-шарфюрера СС, то есть унтер-офицера войск СС. В этом чине весной 1940 года он участвовал в походе на Францию и лишь спустя почти год был произведен в офицеры, получив чин унтерштурмфюрера (лейтенанта) войск СС.

дарит «своему старому фронтовому товарищу мечту настоящего германца» – спортивный автомобиль новейшей модели. Тоже, естественно, реквизированный у итальянцев в виде контрибуции за спасение их дуче.

Наверняка Скорцени так и остался бы строго засекреченным «одним венским фюрером СС», если бы сам вождь нации не решился рассекретить своего личного агента, превратив из безымянного СС-диверсанта в национального героя, кавалера Рыцарского ордена, пример которого способен вдохновлять не только многие тысячи воинов, но и целые поколения германской молодежи.

Первой нарушить «обет молчания на пятерых» позволено было газете «Фолькишер беобахтер», которая писала:

«Всю свою жизнь Скорцени был политиком и солдатом. Еще на школьной скамье он стал членом «Германского союза», который в 1922 году выступил под черно-бело-красным флагом³⁷. Будучи студентом, он прошел подготовку в штирийском добровольческом корпусе и молодым буршем приобщился к национал-социалистическому мировоззрению...

Из добровольческого корпуса он со временем перешел в СС и в качестве, так сказать, дипломной работы, положившей начало его теперешнему мастерству, арестовал в 1938 году австрийского федерального президента, которого бдительно охраняла гвардейская рота».

Дальнейшее служебное восхождение Отто действительно

³⁷ Флаг Германской империи.

началось с того, что фюрер лично повесил ему на шею Рыцарский крест и объявил о повышении в чине до штурмбанн-фюрера СС³⁸. Но при этом как бы между прочим обронил:

– Во время освобождения дуче вы прошли испытание не только на храбрость и отчаянную решимость диверсанта, но и на умение хранить тайны рейха. Очень скоро вы получите новое задание. Но прежде чем выполнить его, вам придется ознакомиться с материалами, с которыми до вас ознакомлены были только два человека: я и Гиммлер.

– Я выполню любой ваш приказ.

– Сейчас я говорю не о приказе, который вы как солдат, конечно же, выполните, а о сохранении величайшей тайны рейха.

– У меня нет ничего более святого, чем тайна рейха, мой фюрер.

Скорцени еще не успел выдвинуть какое-либо предположение относительно характера нового задания фюрера, как присутствовавший на церемонии чествования героя нации рейхсмаршал Геринг снял со своего парадного френча Золотой почетный знак летчика и, приколов его на грудь первого диверсанта рейха, не менее загадочно произнес:

– Когда фюрер решит, что сотне-другой ваших парней следует высадиться в Антарктиде, я позабочусь, что-

³⁸ Штурмбаннфюрер СС – чин, приравниваемый к общевоинскому чину майора. Однако при встрече майор вермахта обязан был первым приветствовать штурмбаннфюрера СС.

бы вам досталось что-нибудь понадежнее, нежели планеры ДФС-230, на которых вы штурмовали вершину Абруццо, и погибельно устаревший «Физелер Шторьх», которым мы вас оттуда снимали.

– В Антарктиде? – переспросил тогда Скорцени, полагая, что рейхсмаршал шутит. И был удивлен, когда тот ответил:

– Что вас так смущает, Скорцени?

– Да в общем-то ничего. Если приказано будет взять штурмом Южный полюс, мои парни готовы.

– Именно такого ответа я и ожидал услышать от вас, штурмбаннфюрер: Антарктида – так Антарктида! Не исключено, что и оттуда нас тоже вскоре попытаются выбить. Вполне возможно, что последние редуты войскам СС придется отстаивать в тех местах, где располагались полярные стоянки Амундсена и Скотта.

Скорцени и предположить тогда не мог, что слова рейхсмаршала Геринга окажутся вещими. И что он не раз будет мысленно возвращаться к ним после телефонного разговора с фюрером.

11.

Октябрь 1943 года. Берлин.

...А позвонил ему фюрер вчера, в конце дня; вождь любил прибегать к таким неожиданным звонкам, которые, возможно, служили для него еще и определенной психологической разрядкой. Дела на фронтах обстояли плохо, доклады командующих группами войск и полевых армий попросту раздражали его. Вот почему – исходя из тех сведений, которыми Скорцени обладал, – Гитлер все охотнее общался теперь с конструкторами то ракет Фау, то принципиально новых, по типу своему самонаводящихся, акустических торпед Т-5, разрабатывавшихся в рамках секретного проекта «Королевское заграждение».

Откладывая предельно важные фронтовые дела, фюрер охотно принимал у себя то последователей учения Ганса Гербигера из тайного Общества «Врил», то теоретиков из не менее засекреченного Общества «Фуле», объявившего себя единственным носителем высших знаний о современном мире, то каких-то медиумов, которые обязаны были бы заинтересовать всякого уважающего себя психиатра.

– Скорцени, – негромко, но властно проговорил вождь Великогерманского рейха, как только Отто представился. – Завтра же вы отбудете в замок Вебельсберг, и хранитель ар-

хива «Аненербе» доктор Ридэ познакомит вас с материалами досье «Базы-211».

– Материалы досье, – повторил Скорцени, стоя у телефона навытяжку.

– Папку, которую он вам вручит, вы должны изучить очень внимательно. Послезавтра мы, то есть я, вы и группа наших товарищей по борьбе, соберемся в этом святилище СС, чтобы обсудить одно очень важное дело. Я хочу, чтобы вы были готовы к этому обсуждению, готовы к тому, чтобы взять создание «Базы-211» под свой контроль. Самолет будет ждать вас в восемь ноль-ноль.

– Яволь. – Скорцени был одним из тех немногих высших чинов рейха, которые позволяли себе крайне редко прибегать к обращению «мой фюрер». Не смутило его даже то, что личный телохранитель Гитлера бригаефюрер СС Раттенхубер обратил внимание своего шефа, что Скорцени «не придерживается общепринятой формы обращения к фюреру». А ведь, учитывая все прогрессирующую подозрительность и мстительность Гитлера, это было небезопасно. – Завтра утром я вылетаю.

Услышав о папке «Базы-211», Скорцени тотчас же вспомнил о той таинственной папке, которая уже однажды появлялась в руках фюрера. Так, может быть, именно она и есть двойником того досье, которое лежит сейчас на огромном массивном столе, стоящем посреди отведенной ему комнаты в Рыцарском флигеле замка Вебельсберг, в котором в ста-

рину обычно находили приют прославившиеся на турнирах странствующие рыцари?

– Я хочу, Скорцени, чтобы вы честно сказали мне, что вы обо всем этом думаете.

Скорцени чуть было не переспросил, о чем «обо всем этом»: он всегда требовал, чтобы, определяя задание, Гитлер, Гиммлер или кто-либо иной выражались с предельной ясностью. Однако на сей раз его остановил голос фюрера – поникший, удрученный; голос человека, разочаровавшегося во всем, ради чего он до сих пор жил, и всеми, на кого рассчитывал.

– Попробую разобраться.

– Гиммлер в курсе моей просьбы.

– Геринг, надеюсь, тоже, – как бы между прочим, говорил Отто, помня, что отношения с рейхсмаршалом люфтваффе у фюрера в последнее время осложнились. Однако помнил он и то, что именно Геринг руководил операцией по исследованию Новой Швабии.

– Считаете, что Геринг может препятствовать? – все тем же тоном вождя, разуверившегося в своем племени, спросил фюрер.

И только теперь, поняв, как фюреру нужна сейчас сильная рука, как ему нужна поддержка, Скорцени вдруг решительно заявил:

– Геринг не станет препятствовать нам, мой фюрер. Не решится. И никаких псалмопений по этому поводу у него не

будет, мой фюрер, – вдруг разразился Отто своей любимой поговоркой, которая всем высшим чинам рейха уже была знакома и которую все воспринимали как выражение крайней решительности личного агента фюрера, – никаких псалмопений!

– Вы все правильно понимаете, Скорцени, – оживился фюрер, и, не прибегая ни к какой смысловой паузе, неожиданно спросил: – А тот унтерштурмфюрер, ну, Имперская Тень?..

– Унтерштурмфюрер Зомбарт.

– Которого вы называете Великим Зомби... Он все еще там, в замке Вольфбург?

– В Охотничьем домике посреди пруда. Это в задней части крепостного двора, в густом парке, тоже огражденном крепостными стенами. Под охраной четверых моих людей.

– Он нам еще понадобится, Скорцени.

– И он нам действительно понадобится, – пророкотал своим зычным басом Скорцени. Штурмбаннфюрер прекрасно помнил, что превращение этого шута-интенданта из 2-го отдельного батальона дивизии СС «Мертвая голова» в Имперскую Тень происходило по личному указанию и под личным контролем самого фюрера.

– Объявите, что отныне он – оберштурмфюрер СС.

– Объявлю. Хотя он вряд ли обрадуется такому повышению, поскольку уже предпочитает считать себя просто... фюрером. – И Скорцени мало интересовало сейчас: воспримет

эти его слова бывший ефрейтор Шикльгрубер как шутку или не воспримет. Он, Скорцени, получил задание подготовить двойника фюрера, и он, черт возьми, его подготовил.

– Переведите его на какое-то время на гору Броккен. Комендант лебенсборна «Святилище арийцев» Эльза Аленберн позаботится о том, чтобы сделать его жизнь более или менее достойной... Имперской Тени. – Скорцени прекрасно понял, что Гитлер хотел произнести: «достойной фюрера», – но не решился. Как не решился и тогда, когда Отто знакомил его с Великим Зомби впервые. Уже в который раз – не решился.

– В Альпы, на массив Гарц. Пусть побудет там, где зарождается новое поколение арийцев... – как бы расшифровывал замысел фюрера Отто Скорцени.

– Это правда, что он пародировал меня?

Все еще прижимая трубку телефона к уху, Скорцени нервно повел подбородком. Всем, кто хотя бы что-нибудь знал о шутовстве Манфреда Зомбарта, хотя бы слышал о его казарменных лицедействах краем уха, он приказал молчать. Тогда каким образом и от кого именно фюрер узнал о них?

– Он не пародировал, он подражал вам, фюрер, – спасительно вспомнил Скорцени слова бригадефюрера Пауля Хауссера. И чуть было не добавил: «Я, старый солдат, понимаю это так».

– Не скрывайте, Скорцени, – пародировал. За что и был арестован агентами СД, причем, насколько мне известно,

прямо в казарме батальона СС. Нам всем очень повезло, что я вовремя узнал об этом.

– Тем не менее его расстреливали³⁹. Причем расстреливали уже тогда, когда вы почти слепили из него Имперскую Тень.

– Как вы понимаете, это была всего лишь имитация расстрела, естественно, согласованная со мной.

– Но мне сказали, что какой-то офицер СС действительно сорвался и чуть было не застрелил его.

– Этот гнев тоже был учебным, – глазом не моргнув со-
врал Скорцени. – На самом деле это был «расстрел» унтер-
штурмфюрера Манфреда Зомбарта, которого, как двойника
фюрера, обязательно следовало «расстрелять», чтобы изба-
вить от прежнего естества.

Поверил ему Гитлер или нет – выяснить это Скорцени уже
вряд ли когда-нибудь удастся. А вот то, что идея инсцени-
ровки «расстрела фюрера», пусть даже в облике его двойни-
ка, вождю не очень-то нравилась – это стало понятно сра-
зу же. Другое дело, что продемонстрировать свое неудоволь-
ствие по этому поводу он тоже не решился.

– Не упускайте его из вида, Скорцени, – резко повысил
голос фюрер. – Какие бы задания вы ни выполняли, нико-
гда не забывайте о том, что за вами – Имперская Тень, кото-
рую теперь уже следует готовить по-настоящему и никогда

³⁹ События, о которых здесь упоминается, описаны в романе автора «Странни-
ки войны», который входит в многотомную эпопею «Война империй».

не упускать из вида. И... помните: папка «База-211»!

«Брофман! – сказал себе Скорцени, как только Гитлер положил трубку. – Информация исходит от профессора Брофмана, лагерный номер 1378213, которого я привлекал к созданию образа Имперской Тени. И понятно, что не сам он пришел к фюреру с этими нежелательными подробностями, а кто-то заставил все еще не сожженного в крематории еврея-профессора поделиться с ним этими “великосветскими сплетнями” Хотелось бы знать, кто именно, дьявол меня расстреляй!»

Скорцени взглянул на аппарат прямой имперской связи, словно бы решался: а не позвонить ли фюреру и не уточнить, от кого именно он получил эти сведения. Хотя на самом деле это уже было не столь важно. Штурмбаннфюрер всегда опасался, что рано или поздно Гитлер узнает о казарменном шутовстве Зомбарта и реакция его может быть самой резкой.

Фюрер, рассуждал он по этому поводу, давно перестал мудро воспринимать любые, пусть даже самые незначительные критические замечания в свой адрес, и кто знает, как он отреагирует на сведения о том, что некий офицер СС пародировал своего фюрера прямо в казарме батальона дивизии СС «Мертвая голова». Как и о том, что никто из офицеров СД, арестовывавших лицедея и занимавшихся его делом, не сообщил о столь вопиющем случае рейхсфюреру СС Гиммлеру, который, конечно же, доложил бы об этом ему, Гитлеру.

Теперь же Скорцени мог сказать себе, что и этот риф он благополучно миновал. По крайней мере, так ему казалось. Он ведь прекрасно понимал, что вторгается в самую сокровенную часть бытия высшего руководства рейха.

12.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт германского авианосца «Швабенланд».

Едва командир корабля барон фон Риттер отдал приказание вахтенному офицеру, как в наушниках вновь послышался голос. Однако теперь он уже принадлежал не капитану субмарины Блэку, а какому-то иному человеку, который, к тому же, обратился к нему на немецком, пусть и довольно странном.

Голос у этого человека был мужественно-резким, а каждое слово он произносил так, словно выкрикивал каждый слог в отдельности. К тому же, слова он выговаривал с каким-то странным акцентом – глотая окончания и произнося отдельные звуки так, словно они зарождались у него не на выдохе, как это происходит у абсолютного большинства землян, а на вдохе. В общем, он напоминал иностранца, который, так и не овладев чистым немецким, умудрился лет десять прослужить фельдфебелем в берлинской унтер-офицерской школе.

– Мы не будем встречаться на вашем корабле, господин фон Риттер. – Это невозможно.

– С кем я говорю?

– Вам уже объяснили. Я – гость капитана Блэка. Обра-

щайтесь ко мне Господин Консул или просто Консул, вместо традиционного имени. Нам нужно встретиться. Это в ваших интересах.

– Что вы предлагаете?

– Вы спускаете на воду бот и поднимаетесь на борт субмарины «Атлантис». Время, которое вы проведете на субмарине, многое прояснит для вас, а главное, сделает вашу экспедицию более осмысленной.

– Вполне допускаю, господин Консул.

– Вот видите, мы уже начинаем понимать друг друга. На борт поднимаетесь один. Матросы возвращаются к борту «Швабенланда» и ждут вашей команды. У вас возникли вопросы?

– Естественно. Причем не только у меня, но и у всего высшего собрания.

– Зададите их на субмарине, капитан цур зее. Жду.

Поняв, что связь прервалась, фон Риттер вопросительно взглянул на все еще находившихся на мостике Готта и гауптштурмфюрера Крозетта.

– Меня ждут на субмарине, господа. Капитан субмарины «Атлантис» назвал себя Блэком, а беседовать со мной собирается человек, именующий себя Консулом Внутреннего Мира. Что скажет по этому поводу высокое собрание?

Офицеры молча и как-то слишком уж беспомощно переглянулись.

– Я так понимаю, что мы получили приглашение, про-

игнорировать которое не имеем права, – произнес фон Готт.

– Глубокомысленное наблюдение.

– Пока что они ведут себя довольно миролюбиво, но...

– Пока что – да... – согласился с ним Крозетт. – Но я предлагаю поднять самолет в воздух и барражировать над субмариной все то время, пока идут переговоры.

– И какова цель этого вашего барражирования? – поинтересовался фон Готт. – Пустить субмарину на дно вместе с командиром «Швабенланда»? Гениальное решение!

– Но у нас нет иного способа воздействия на команду субмарины, – возмутился командир морских авиаторов. – Наше кормовое орудие – против их торпеды? Мы его и расчехлить не успеем!

– И даже не будем пытаться, – заверил его фон Риттер.

– Радист и телеграфист уже наверняка связались с Берлином, – сказал старший офицер. – Предлагаю потянуть время, дожидаться ответа.

– Какого? – не очень бодро парировал Риттер. – Что, сидя в Берлине, можно посоветовать командиру судна, на борт которого прямой наводкой нацелены два торпедных аппарата? И от кого конкретно ждать ответа: от адмирала Редера, от Геринга или, может, поиграть на нервах самого фюрера?

– Тоже верно, – поскреб заросший подбородок фон Готт. – Но в любом случае, при любом раскладе сил самое время позвонить адмиралу Редеру.

– Разве что – как тестю, – обронил фон Риттер. – Да и то

– не думаю, что именно этому звонку давно отбившегося от рук зятя он сколько-нибудь обрадуется.

Рослый, тучный, почти медведеподобный, этот человек буквально источал из своих мощных мышц какую-то неумемную физическую силу. Риттер уже знал, что старший офицер «Швабенланда» происходил из давно обедневшего дворянского рода и что отец его, все еще сохранявший за собой наследственный титул барона, в течение многих лет зарабатывал себе на хлеб обычным дровосеком. Причем самое странное заключалось в том, что занятие сие барон фон Готт-старший считал вполне приемлемым для себя.

Как выяснилось, сам Теодор Готт с тех же юных лет подрабатывал на лесозаготовках, где вскоре, благодаря своей исключительной физической силе, стал личностью почти легендарной. Впрочем, слава тоже пришла к нему из леса. Схватившись где-то в предгорьях Баварских Альп с вожаком волчьей стаи, барон в мгновение ока оглушил его, а затем переломал хребет, после чего, вооружившись дубиной, жесточайше расправился со всей подоспевшей стаей.

Точно так же расправился Барон-Дровосек и с какой-то бандой на окраине портового городка Эмдена, куда приехал поступать в мореходное училище торгового флота. Как утверждали со временем функционеры штандарта местных штурмовиков, и искалеченные бандиты, и полицейские, расследовавшие это происшествие, были просто-таки поражены той холодной яростью, с которой вчерашний лесоруб кру-

шил челюсти и прочие кости всех четверых нападавших, даже не помышляя при этом о вполне благородном и оправданном в подобной ситуации спасении бегством.

Теодор избивал нападавших до тех пор, пока не прибыла полиция. Но и после ее прибытия он умудрялся выхватывать из рук полицейских то одного, то другого бандюгу, чтобы, оглушив его ударом кулака в голову, швырять на руины каменной ограды.

Из-за откровенного неуважения к полиции схватка едва не закончилась для Готта тюрьмой, но ему повезло: в городе как раз начал формироваться новый «штандарт» СА, и местный руководитель штурмовиков, прослышавший о силе и ярости некоего Барона-Дровосека, сумел отбить его у правосудия, чтобы назначить руководителем ударного отряда, занимавшегося разгоном идеологических противников национал-социализма в районе порта.

По рекомендации командования штурмовиков Теодор и был затем направлен в военно-морское училище в Киле, то самое, которое в свое время окончил и главнокомандующий ВМС рейха адмирал Эрих Редер.

На учебе в училище, собственно, настояла одна из племянниц будущего главкома ВМС по имени Норманния, которая к тому времени успела влюбиться в себя красавца Готта и собиралась стать его женой. Не возражала Норманния и против того, чтобы по вечерам ее муж-силач посещал занятия в специальной спортивной школе штурмовиков, где его

обучали приемам восточных единоборств и владению различными видами холодного оружия.

Мало того, физически очень крепкая, мощного телосложения, эта полусаксонка-полунормандка и сама приобщалась к тренировкам, постепенно превращаясь в его спарринг-партнера. При этом Норманния никогда не скрывала, что и полюбила-то своего молчаливого и неотесанного Барона-Дровосека прежде всего за его необузданную силу и столь же необузданную ярость. А вскоре она и сама надела коричневую рубашку штурмовика СА, чтобы вместе с Теодором стоять в оцеплении, охраняя собрания нацистов.

– А ведь эти чертовы субмаринники знают о нашем высоком собрании почти все, что только можно знать, – молвил фон Риттер. – Готт, прикажите боцману: «По правому борту предкормовой бот – на воду!»

– Есть бот на воду!

Именно там, в Кильском военно-морском училище, еще будучи курсантом которого, Теодор Готт совершил на одном из судов экспедицию в глубины Арктики, он и получил свое новое, более престижное прозвище Полярный Барон.

Случилось так, что судно оказалось в ледовом плену, и большая часть экипажа ушла ледовыми полями в сторону острова Шпицберген, где ее вскоре подобрал островные спасатели. А физически выносливому барону фон Готту, с еще четырьмя матросами, приказано было остаться на судне, чтобы скалывать с бортов и палубы лед и вообще – всеми

доступными средствами бороться за живучесть судна.

Через месяц двое из команды Готта не выдержали и тоже решили уйти в сторону Шпицбергена. Барон фон Готт, как мог, убеждал их не делать этого. Он предчувствовал их гибель и всячески пытался удержать на судне, которое представлялось ему тогда единственным реальным спасением.

В конце концов те двое все же ушли. Это было странное расставание: те, что оставались на судне, смотрели вслед уходящим, как смотрят идущим на эшафот; а те, что уходили, уже издали кричали остающимся: «Идем вместе с нами, иначе погибнете!» Они еще не догадывались, что уходят в небытие. В полную неизвестность. Еще один моряк умер на судне от воспаления легких.

Вот и получилось, что до весны, до спасения судна, дожили только двое, старшим из которых по-прежнему оставался курсант училища барон фон Готт. Вот после этой трагической зимовки, вместе с досрочным присвоением ему чина лейтенанта цур зее, Теодор и получил теперь уже зафиксированное в нескольких изданиях уважительное прозвище Полярный Барон, звучавшее значительно лестнее, нежели давно оскорблявшее его Барон-Дровосек.

13.

Август 1943 года. Германия. Остров Узедом в Балтийском море. Ракетный центр «Пенемюнде».

Ни на одну из предыдущих машин этот дисколет похож не был. Сработанный по образу и подобию классического метательного диска – только диаметром более сорока и высотой около пяти метров, – он поражал красотой своих линий, серебристым отливом облицовочного металла и витражами рассеянных по всему периметру пилотской башни иллюминаторов.

Собирали этот шернеролет прямо здесь, в огромном подземном ангаре, поэтому вокруг него на всевозможных тележках и подставках покоилось множество каких-то мелких деталей. Однако и земная основа, и неземная нацеленность этого космического корабля уже были заложены в нем, они уже ощущались. И даже беглого взгляда было достаточно, чтобы Скорцени понял: этот дисколет создает не тот человек, который будет стремиться свое, в мыслях и чертежах не доношенное, творение как можно скорее воплотить в металл. Ибо этот создатель не на имя свое работает, а на вечность.

– И что вы по этому поводу думаете, доктор Браун?

– Видит Бог, что в этом проекте я всячески помогал Шер-

неру.

– Угрызения совести? Осознание высокой цели? А традиционная в таких случаях зависть?

– Без этого тоже не обошлось. Но со временем прошло. Часто прихожу сюда, когда в ангаре нет ни Шернера, ни вообще кого бы то ни было. Порой мне кажется, что я прихожу сюда, как язычник – к капищу, святому месту предков.

Слушая его, Скорцени медленно поднимался по приставной лестнице в салон корабля.

– Говорите, говорите, Браун, я внемлю каждому вашему слову!

– Здесь возникают какие-то особые ощущения, образует-ся какая-то особая аура, подобная тем, которые возникают в монастырских храмах.

– Охотно верю. Однако сам ничего особого пока не познал.

Скорцени вошел в кабину пилота, опустился в его кожаное кресло, внимательно осмотрел полукруглый, удобно расположенный пульт управления и на какое-то время забылся, словно уснул, не закрывая глаз.

– Скорцени, господин Скорцени! Штурмбаннфюрер! – с трудом вернул его к действительности барон фон Вернер. Встревоженный, он тоже поднялся по особо сконструированной лестнице и теперь пытался заглянуть оттуда в кабину. – С вами что-то случилось?

– Нет, почему вы так решили, барон? – выглянул штурм-

баннфюрер из кабины.

– Вы сидите уже минут пятнадцать.

– Не валяйте дурака, Браун, я лишь на минутку присел.

– В этом-то и все дело, в этом секрет! А ведь двигатель этого небесного ковчега пока не работает. – Вернер внимательно проследил за тем, как Скорцени спускается, и, только лишь тот ступил на пол, направился к выходу, увлекая за собой и первого диверсанта рейха. Обер-диверсанту вдруг показалось, что барон трусит и старается поскорее убраться из этого подземелья.

– О времени – это вы, доктор, что, всерьез?

– Можно повторить в виде эксперимента, вот только не уверен, что обязательно получится.

– То есть так случается не всегда?

– Мастера, которые задерживались здесь допоздна, говорят, что им чудятся странные видения, и при этом происходит какая-то дьявольщина.

– И что же им видится?

– Пришельцы. Какие-то русоволосые гиганты в странных серебристых комбинезонах. Однажды, во время монтажа двигателя, между двумя мастерами возник спор, они обещали Шернеру смонтировать до конца дня какой-то там важный агрегат, но запутались и не знали, какую деталь поставить. Уже решили спускаться вниз и звонить инженеру или самому Шернеру. Но, как только они подошли к двери кабины, – увидели того самого пришельца. Он был такого ро-

ста, что, не пользуясь лестницей, сумел протянуть им нужную деталь, которая осталась на дальней тележке по ту сторону дисколета и о которой они попросту забыли.

– При этом он что-то сказал?

– Ни звука. Холодное каменное лицо. И все равно, после этого случая они стали называть гиганта в комбинезоне инженер-ангелом.

– Надеюсь, вы приказали им молчать и не распространяться по этому поводу?

– Как и обо всем прочем, что они здесь видели и слышали. Под угрозой крематория.

– Какого типа двигатель у этого чудовища?

– Здесь предусмотрено несколько типов двигателей: жидкостно-реактивный, воздушно-реактивный, но... Кроме них, существует и третий, какой-то секретный, который уже скрыт в теле дисколета, однако принцип работы которого Шернер пока не разглашает.

– Наверное, это оправданно.

– В какой-то степени – да. Насколько мне известно, этот двигатель связан с гравитационной энергией, не требует горючего, по крайней мере, в таких запасах, как обычный самолет, а главное, создает вокруг себя особый защитный гравитационный пояс, позволяющий дисколету мгновенно менять направление и высоту полета, развивая при этом огромную скорость. Кроме того, обычные снаряды не способны пробивать этот пояс, а значит, во время полета эта машина

остаётся неуязвимой.

– Неплохие характеристики, – удивленно молвил Скорцени. – Если они воплотимы, то мы действительно находимся на пороге создания оружия особого назначения, оружия возмездия.

Браун молча прошел мимо часового, вместе со Скорцени преодолел оцепление и лишь когда приблизился к своему «мерседесу», неожиданно сказал:

– Впрочем, все это, скорее, предположения, нежели реальные технические характеристики. Порой у меня создается впечатление, что Шернер и сам еще не разобрался в сути принципа этого двигателя, а посему плохо представляет себе, что, собственно, он сотворил.

– В вашем деле может случаться и такое?

– Мало ли какую деталь или какой чертеж может подсунуть вам здесь инженер-ангел! Я человек не впечатлительный, скорее наоборот, однако, пока вы отдыхали там, в кабине этого шернеролета, мне пришлось повидаться с самим Шернером.

Браун не успел опомниться, как могучая рука Скорцени впиалась ему в плечо и со зверской силой развернула уже у самой дверцы автомашины.

– Где? Я спрашиваю: где вы его видели?!

– Рядом с его шернеролетом. Появился, проницательно взглянул на меня, словно спрашивал, какого черта я там ошиваюсь, затем поднял голову, чтобы посмотреть на кабину

– и исчез. Понятно, что это какое-то привидение, какой-то энергетический двойник, но что стоял он передо мной в такой же плоти, как и мы с вами, – это я могу подтвердить с клятвой на Библии.

Они молча взглянули друг другу в глаза и взялись за дверцы машины.

– Господа офицеры! – Они оглянулись. Со стороны разрушенного барака для германских специалистов к ним бежал какой-то парнишка в форме гитлерюгенда, с крестом на нарукавной повязке. – Нет ли среди вас господина Брауна?

– Я – господин Браун.

– Там происходит какая-то чудовищная несправедливость!

– Чтобы здесь, у нас, – и чудовищная несправедливость? – мрачно ухмыльнулся Скорцени, поражаясь наивности мальчишки. Однако ухмылка его исчезла сразу же, как только парнишка прокричал: – Там арестовали господина Шернера. Конструктора! Унтер-офицер принял его за германского заключенного! Его отправляют в лагерь!

В два прыжка Скорцени приблизился к парнишке, захватив за шиворот, швырнул к машине и устроившись рядом с ним на заднем сиденье, грозно пророкотал:

– Где это происходит? Показывай дорогу! Что вы возитесь, Браун?! Гоните!

– Кто вам об этом сообщил? – поинтересовался барон, направляя машину к руинам дальних барачных корпусов, у которых, как

он знал, охранники собирают уцелевших и раненых заключенных, многих из которых должны будут вернуть теперь в концлагеря.

– Какая-то чешка. Из женской колонны, которую тоже будут увозить. Кажется, она не заключенная, а просто рабочая. Наверное, я не имел права разговаривать с такой женщиной, но она сказала, что это дело имперской важности. Умоляла найти господина Брауна или кого-либо из начальства.

Колонну, в которой находился Шернер, уже погружали в машины. Увидев приближающийся к ним «мерседес», потомственный маркграф, который уже стоял в двух шагах от борта, попытался пробиться сквозь строй заключенных и броситься к легковушке, однако тот же унтер-офицер, который заподозрил в конструкторе заключенного, метнулся к нему и ударами приклада загнал под обломок стены, намереваясь под ней же и расстрелять его.

– Унтер, стоять! – прорычал Скорцени с такой яростью, что и охрана, и конвоиры содрогнулись. – Не стрелять! – выскочив из машины, неся он к охраннику.

Ударом ноги выбив из рук карателя винтовку, Скорцени изо всей ярости врубился кулаком ему в подбородок, а когда тот оказался на куче битого кирпича, захватил за загривок и взбешенно приволок к колонне заключенных.

– Офицер! – прорычал обер-диверсант так, что ближайший к этому разъяренному эсесовцу конвоир в ужасе сжался в комок.

– Я здесь, господин штурмбаннфюрер!

– Вы знаете, кто перед вами?

– Да, господин штурмбаннфюрер. Ваш портрет – в газете.

Вы – Скорцени.

– С этого сорвать погоны и в лагерь! За предательство. В личном деле записать: «По личному приказу штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени». И еще: передайте коменданту лагеря, что я требую, чтобы он не смел утомлять этого изменника ожиданием у ворот крематория!

Пока Скорцени расправлялся с унтер-офицером, барон фон Браун поспешил затолкать Шернера в машину и, выхватив пистолет, на всякий случай заслонил собой дверцу, за которой укрывался Пенемюнденский Умник. Рядом с ним, плечом в плечо, стал безоружный санитар-гитлерюгенд.

Уже потом, сидя в машине, увозившей их к помещению измерительной лаборатории, где должен был находиться обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер, оба штурмбаннфюрера слышали короткий и сбивчивый рассказ полуголодного-полуконтуженного и ужасно перепуганного Шернера.

После взрыва бомбы, которой англичане разнесли его котедж, Герман еще сумел прийти в себя и несколько метров проползти в сторону бомбоубежища. Но вторая взрывная волна швырнула его в воронку. Там, полузасыпанного землей, его и обнаружили утром санитары. Поскольку он был в изодранной грязной спецовке, то его приняли за рабочего из заключенных и отвезли в тот госпиталь под открытым

небом, где собирали узников. Никаких документов при нем, естественно, не оказалось.

Вскоре Шернер пришел в себя, понял, где он находится, и попытался объяснить санитару, что произошла ошибка. Но когда он объявил, что на самом деле он – конструктор доктор Шернер, кто-то из заключенных германцев съезвил: «С таким же успехом я могу объявить себя доктором Геббельсом». Унтер-офицер услышал это, и, решив, что Шернер пытается воспользоваться царящей в Пенемюнде неразберихой, чтобы бежать, принялся самым жестким образом «опекать» и воспитывать его.

– Какое счастье, что волей случая вы оказались поблизости.

– Точнее будет сказать, что по воле женщины, – ответил Скорцени.

– Какой женщины?!

– Той, которая видела, как вас затолкали в колонну заключенных, и уговорила парнишку из гитлерюгенд-санитарной команды разыскать доктора Брауна или кого-либо из начальства. Так что мы не просто оказались там, а примчались спасать вас.

– Не та ли это чешка, которую приставили к вам как холостяку в виде домработницы? – оглянулся на Шернера доктор Браун.

– Эльжбетта? Конечно, она! Я почему-то не заметил ее, но это наверняка была она. Надо бы найти ее. Доктор Браун,

ее надо бы найти и вернуть, чтобы она не попала в число тех, кого отправляют в лагерь, где их, очевидно, умертвят ради сохранения секретности.

– С этой просьбой не ко мне, а к господину Скорцени, – безразлично ответил барон. – Хотя на вашем месте я бы не стал отвлекать господина Скорцени подобными просьбами. Это я вам говорю, как ариец арийцу и эсэсовец эсэсовцу.

При этих словах Скорцени иронично взглянул на Брауна: «Аристократы все чаще стали вспоминать, что они арийцы и эсэсовцы. Геббельс может гордиться собой: его пропагандистские зерна попадают в плодородную почву». Для Скорцени не было секретом, что в СС Вернер Браун вступил еще в 1933 году, надев черную форму офицера 4-го кавалерийского эскадрона 6-го полка СС, а в 1940 году стал членом национал-социалистической партии.

Внешне никак не отреагировав на его просьбу, Скорцени попросил Брауна остановить машину возле группы офицеров-эсэсовцев и, обратившись к старшему из них, попросил озаботиться судьбой чешки Эльжбетты, фамилию которой Шернер вспомнить так и не сумел.

* * *

Кальтенбруннер был мрачнее тучи.

– Колоссальные потери в людях, технике и строениях, – проворчал он в ответ на молчаливый вопрос Скорцени. – Да-

же не знаю, как обо всем этом докладывать фюреру.

– И можно понять, как трудно сейчас самому фюреру.

– Генерал-майор фон Шамье-Гличинский, лично отвечавший за производство самолетов-снарядов, специалисты по ракетным двигателям Вальтер Тиль и Гельмут Вальтер, многие другие – погибли. Полностью уничтожен поселок технического персонала, разрушены все портовые сооружения, уничтожен кислородный завод, общие потери – около восьмисот человек погибшими, вдвое больше раненых. Кстати, вы хотели найти доктора Шернера. Он жив?

– Чудом удалось спасти.

– Главное, что удалось. Звонил фюрер и интересовался, живы ли Браун и Пенемюнденский Умник. Если бы не подсказка Дорнбергера, я бы никогда не догадался, что речь идет о конструкторе графе фон Шернере. А поскольку о судьбе Шернера ничего известно не было, он приказал выяснить и доложить.

Выслушав короткий рассказ о злоключениях графа, Кальтенбруннер удивился, почему он не пристрелил унтер-офицера прямо там, в назидание другим, и тотчас же распорядился переправить конструктора в Гроссендорфский ракетный исследовательский центр СС, расположенный неподалеку от Данцига.

– Пусть пока побудет там. Пенемюнде Гитлер приказал возродить, усилив противовоздушную оборону. Однако завод по производству ракет и прочих видов оружия особо-

го назначения приказано перенести в горный массив Гарц, в подземелья горы Конштайн⁴⁰, где работы сейчас развернутся со всей мыслимой быстротой.

– Туда бы следовало перенести и лабораторию Шернера. Кроме всего прочего, жизнь в подземельях Конштайн поможет ему со временем адаптироваться в подземельях Рейх-Атлантиды.

– Вы удивляете меня своей дальновидностью, Скорцени, – проговорил Кальтенбруннер, не скрывая ироничности восприятия его забот. – А главное, тем, что вам приходит на ум задумываться над подобными перспективами здесь, посреди этого бомбового ада.

– И чтобы уже покончить с этой проблемой... Шернер просит, чтобы с ним была направлена его домработница-чешка, которая спасла ему жизнь.

– Пусть везет с собой хоть гарем, только бы работал. Я же пойду обрадую фюрера известием о том, что и Пенемюнденский Умник тоже нашелся. Должно же сверкнуть хоть что-то радостное в этом безрадостном дне.

Скорцени и фон Браун переглянулись. Браун понимающе кивнул и пошел обрадовать коллегу. В ту же минуту на крыльце появился генерал-майор Дорнбергер.

– Обергруппенфюрер, вас к телефону. Берлин. На проводе Гиммлер.

⁴⁰ Речь идет о создании подземного центра «Дора», созданного в толще горы Конштайн осенью 1943 года после налета на Пенемюнде.

Едва Кальтенбруннер взял трубку, как услышал тихий, успокаивающий голос рейхсфюрера СС.

– Докладывайте, Эрнст.

Доклад начальника РСХА он выслушал, не комментируя и не переспрашивая. А когда Кальтенбруннер закончил его, задал один-единственный вопрос:

– Шернер жив?

– Легкая контузия. Его нашли, и сейчас он под моей личной охраной.

– Сажайте его в самолет и увозите оттуда. Только что я беседовал с фюрером, и он с грустью сказал мне, что, скорее всего, Шернер тоже погиб. Это ужасно огорчило вождя.

– Я увожу этого Пенемюнденского Умника в наш эсэсовский исследовательский ракетный центр.

– Прекрасная идея. Я давно искал случая, чтобы вырвать его из Пенемюнде. Все лучшие конструкторские и научные силы должны быть в СС – и только так! Мне недавно дали справку из нашего штаба. Оказывается, уже теперь в рядах СС насчитывается около двух тысяч ученых самых различных областей, причем большинство из них – ведущие специалисты в своей отрасли. А что касается Пенемюнде, то фюрер, конечно, в ярости. Кстати, вы заметили там кого-либо из штаба Геринга, на которого возлагается главная вина за эту трагедию?

– Никого. Мне сказали, что собирался прибыть начальник генштаба люфтваффе генерал-полковник Ганс Йешоннек.

– Этот уже не прибудет. Только что застрелился в своем рабочем кабинете после телефонного разговора с фюрером.

– Представляю себе, какой это был разговор.

– Но в Пенемюнде есть его представитель и друг Шамье-Гличинский, не так давно потерявший почти все свое бомбардировочное соединение в небе Англии.

– Этого уже тоже нет.

– Застрелился?! – почти в ужасе воскликнул Гиммлер.

– Погиб во время бомбардировки.

– Тогда легче. Фюрер не хотел, чтобы Йешоннек брался за пистолет. Он спросил генерал-полковника, знает ли тот, что натворила английская авиация в Пенемюнде. А когда тот ответил, что знает, фюрер сказал: «В таком случае вы знаете, что следует делать», – намекая на то, что генштаб ВВС должен готовиться к ответному массированному налету на Англию. Хорошо, Кальтенбруннер, разбирайтесь там, и по жестче. А я обрадую фюрера сообщением о Пенемюнденском Умнике.

14.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт субмарины «Атлантис».

...Не прошло и получаса, а фон Риттер уже входил в уют-компанию субмарины «Атлантис», где пред ним предстал почти двухметрового роста блондин лет сорока пяти. Барон фон Риттер с любопытством прошелся по нему взглядом: светлые, коротко стриженные волосы, голубые, с легкой поволокой и в то же время как бы подсвечивающиеся изнутри, глаза; а почти классически римский, с едва заметной горбинкой, нос прекрасно гармонировал с четко очерченными выразительными губами и широким, почти раздвоенным волевым подбородком...

– Стало быть, вы и есть Консул Внутреннего Мира?

– Вы не ошиблись, – встретил его едва уловимым склонением головы Консул. На нем был прекрасный, точно по фигуре сшитый зеленый френч с большими накладными карманами и зеленые, навывпуск, брюки. В принципе одеяние это вполне можно было бы принять за военную форму, если бы на ней обнаруживались хоть какие-то знаки различия.

– Я немного знаком с доктринами тайных обществ «Врил» и «Туле». Адепты одного из них – «Туле» свято верят в существование некоей арктической колыбели нынешней цивили-

лизации – страны Туле, идеей обнаружения которой очень увлекаются сейчас в Баварии, где, собственно, это общество и зародилось⁴¹.

– При такой информированности вам нетрудно будет общаться со мной.

– Я так понимаю, что Внутренний Мир – название одного из подобных обществ?

– Ошибаетесь, капитан цур зее. Если не ударяться в иностранные академические объяснения, то в кратком изложении ситуация выглядит таким образом. Внутренним Миром называется мир, сотворенный одной из ветвей древнейшей человеческой цивилизации.

– К которой принадлежите и вы? – слишком поспешливо попытался уточнить фон Риттер.

– Если быть точным, я принадлежу к еще более древней цивилизации. Но это отдельная тема, касаться которой мы сейчас не будем. Присядем, господин барон. – Усевшись во главе стола, в кресло командира субмарины, Консул какое-то время гипнотизирующе всматривался в лицо фон Риттера – от природы смуглое, безжалостно обветренное, с губительной небрежностью испещренное ранними морщинами, оно к

⁴¹ Общество «Туле» («Фуле») было основано в 1918 году, в Мюнхене, как одно из ответвлений Тевтонского рыцарского ордена. В том же году членом этого общества стал и Гитлер. Существует вполне оправданное предположение, что мистически настроенный Гитлер стал фюрером германских нацистов именно под влиянием идеологов «Туле», которые, используя свое влияние, помогали Гитлеру в его восхождении в фюреры.

тому же тайло в себе явные черты азиатских корней кого-то из его предков.

Для барона не было секретом, что при виде его огрубевшей от полярных ветров и морозов да к тому же «изуродованной» многовековой азиатчиной физиономии любой из радетелей чистоты арийской крови приходил в тихий ужас. Достаточно было взглянуть на этот массивный, но слегка удлинённый, окаймлённый короткой, черной, «типично тюркской» бородкой лик, чтобы в то же мгновение увидеть перед собой призрак жестокого восточного сатрапа.

– И где же расположен тот Внутренний Мир, который вы имеете честь представлять? – с трудом вырывался из-под власти его гипнотического взгляда фон Риттер.

– Здесь, в глубинах Антарктиды, – и, встретившись с недоуменным взглядом командира «Швабенланда», подтвердил: – Вы не ослышались, параллельно с нашим, суровым внешне-земным миром, подверженным действиям вулканов, потопов, землетрясений, капризных циклонов и разрушительных цунами, в глубинах планеты существует Внутренний Мир, в коем обитает внутриземная цивилизация, для большинства представителей которой выход на поверхность Антарктиды равносителен выходу внешних земель в открытый космос.

– Но почему? Мы ведь обитаем на одной планете.

– Я вижу, вас заинтересовали те сведения, которые вы действительно можете получить у меня.

– Ради поиска этого мира я и прибыл сюда.

– Но с того часа, когда вы получите эти сведения, – и без того резкий, гортанный голос Консула стал еще более грубым и откровенно угрожающим, – вы войдете в число Посвященных и не имеете права распространяться о них ни перед кем, кроме фюрера. С кем и какой именно информацией может поделиться сам фюрер – ему укажут.

– Фюреру... укажут?! – недоуменно переспросил фон Риттер. – Но, высокое собрание... Это уже что-то новое.

– Для вас, капитан цур зее, – новое... – уточнил Консул, заставив командира «Швабенланда» почтительно промолчать, не ударяясь ни в какие словесные или мысленные выяснения. – Если же вы нарушите данный запрет, все ваши рассказы будут опровергнуты и осмеяны, а сами вы закончите дни свои в одной из контролируемых нами психиатрических лечебниц. Или же скоростижно скончаетесь, при диагнозе, сформулировать который ваши медики так толком и не сумеют. В медицине подобное, знаете ли, случается, – объяснил он в манере опытного шантажиста.

– Мне не нравится, когда меня пытаются запугивать, господин Консул.

– Мне еще не приходилось встречать человека, которому бы это нравилось. Но таковы наши жесткие условия.

Неловкая пауза, наступившая в их разговоре, не могла длиться вечно, тем более что она не была на руку ни одной из «высоких договаривающихся сторон».

– Мне это очень не нравится, – теперь уже по-настоящему входил в роль дипломата Странствующий Бездельник, – но, во имя высшего познания, я принимаю ваши условия.

– Благоразумно.

– В противном случае?.. – и себе впал в излишний авантюризм фон Риттер.

– Вы ведь прекрасно знаете, что бывает в подобных случаях. Скорее всего, уже сегодня «Швабенландом» командовал бы другой офицер. Если бы только Повелитель Внутреннего Мира не решил, что судно вообще не должно вернуться в Германию, поскольку исчезновение его вместе с людьми выглядит предпочтительнее. Во всех отношениях.

– Пощадите высокое собрание, Консул: не повергайте его в ужас.

– Вы должны уяснить для себя, что люди подземного мира готовы не только запугивать вас, но и беспощадно истреблять, поскольку их пугает совершенно дикий, по отношению к собственной планете, способ вашего существования. Как дикой кажется нынешнему поколению арий-атлантов ваша извечная, неистребимая тяга к войнам и прочим видам самоистребления.

– Подтверждаю, что мною приняты ваши условия, и я налагаю на себя обет молчания, – сухо произнес барон, прекрасно понимая, что тональность и направление их беседы следует сменить. – Даю слово офицера и дворянина. С этой минуты вы полностью можете доверять мне и полагаться на

меня.

– Именно этих слов я и ждал, – внушающе произнес Консул, наваливаясь при этом всем своим громадным туловищем на стол и упираясь в него огромными, мощными ручищами.

«Даже Полярный Барон фон Готт – и тот рядом с верзилой Консулом показался бы щуплым подростком», – отметил про себя фон Риттер, чувствуя какое-то по-детски мстительное удовлетворение оттого, что и на громадину Готта управа в этом странном антарктическом мире все-таки нашлась бы.

Их взгляды вновь встретились, однако понадобилось несколько мгновений молчания, чтобы разговор действительно можно было направить по иному эмоциональному руслу.

– Неужели аборигены Внутреннего Мира в течение столетий так и не обнаружили ни способа, ни крайней необходимости соединиться с внешнеземной цивилизацией? И вообще, знают ли они, что, собственно, здесь, во внешнем мире, происходит?

– Благодаря нашему посредничеству верховная элита подземной Страны арий-атлантов выходит из полной земной самоизоляции и неохотно, с опаской, но все же решается на контакт с вами.

– Храбрецы же они у вас, – осчастливил фон Риттер собеседника одной из своих красноречивых ухмылок. – Даже не

знаю, должны ли мы возрадоваться этому их выходу.

– Действительно, стоит подумать. Все не так просто. Это вам не контакт с очередным племенем амазонских аборигенов. Притом, что в данном случае еще предстоит выяснить, кто окажется в роли недоразвитых аборигенов. И обратите внимание, я сказал: «земной самоизоляции», – поскольку благодаря нам, адептам Шамбалы, они уже давно установили контакты с одной из внеземных цивилизаций, известной вам по их межзвездным кораблям, так называемым солнечным дискам, еще со времен Александра Македонского. Что же касается рядовых арий-атлантов – заметьте, что мы остановились на том наименовании их, которое согласуется с древней историей внешнего мира, – то они лишь в общих чертах знают о том, что же в действительности происходит здесь, на внешней оболочке их Космомира.

– Все же случаются на этой планете счастливы.

– И, повторяю, – начал понемногу привыкать к его ироническому восприятию всего происходящего Консул, – для них последствия выхода на поверхность Антарктиды столь же губительны, как и выход внешнего землянина в открытый космос без чего-то, подобного водолазному скафандру. Хотя, в принципе, климат Земли для них не настолько губителен, как для вас – эфир Вселенной.

– То, о чем вы сейчас говорите, – просто-таки поразительно, – не сумел на сей раз сдержать своего удивления фон Риттер. – В свое время я совершил несколько полярных экс-

педиций...

– Нам прекрасно известны ваши научные изыскания и ваши путешествия, – со всей возможной учтивостью заверил его Консул. – Именно поэтому мы относимся к вам с большим уважением и, как видите, сочли возможным согласиться с тем, чтобы именно вы возглавили экспедицию к берегам Принцессы Астрид и Принцессы Марты.

– Так, значит, вам известны были все наши планы?..

– Не планы, позволю себе уточнить, а замыслы. Поскольку замыслы эти – в вашем, европейском, толковании – зарождались в кругу посвященной элиты общества «Туле». Но и это происходило с нашего согласия и при наших подсказках.

– Когда вы говорите «наших», то, конечно же, имеете в виду...

– Я понимаю, что рано или поздно вы должны уяснить для себя, с кем же все-таки вас свела антарктическая судьба. Мы – это очень небольшой круг людей, потомков одной из древнейших цивилизаций, которым повелителями Шамбалы было позволено приблизиться в своем развитии к великим замыслам Шамбалы. Нет-нет, мы пока еще не Высшие Посвященные Шамбалы, мы – всего лишь посвященные, adepts Высшей Тайны повелителей земного мира. Если говорить еще более доступно, то мы, по существу, посредники между Повелителями Шамбалы и вашей, наземной цивилизацией, а также цивилизациями Внутреннего Мира.

– То есть речь идет о нескольких подземных цивилизации-

ях?

– Естественно. Их три. Одна, наиболее развитая, или, как мы говорим, наиболее приближенная к великому замыслу Шамбалы, и в то же время самая молодая, находится здесь, под Антарктидой. Это потомки тех, кто известен по вашей – для удобства давайте будем называть ее человеческой – цивилизации под названием атланты. Вторая, более древняя, населенная терринитами, то есть в переводе землянами, располагается в районе между канадским севером и Бермудским треугольником. Если особенностью развития цивилизация атлантов является их связь с космическими учителями, то терриниты связаны с земными, но параллельными мирами. В том числе и с тем миром, который вы называете миром мертвых.

– Так все же он существует?

– Да. Когда-нибудь мы поговорим с вами об этом и некоторых иных мирах более подробно. Пока же могу лишь сказать, что мир терринитов, по существу, вышел из-под нашего контроля и находится под контролем мира, который ваши священники традиционно называют миром темных сил.

Риттер вдруг почувствовал, как субмарина содрогнулась и на голову начала наваливаться какая-то тяжесть. Сомнений быть не могло: медленно погружаясь, лодка уходила от того места, на котором застыл его «Швабенланд».

– Хотите как-то объяснить это? – обвел барон взглядом корпус кают-компаний.

– Мы доставим вас в одну местность, с которой, собственно, и начнется процесс колонизации арийской нацией Антарктиды. Для вас важно увидеть это собственными глазами. Тогда многое из того, что уже в течение сотен лет происходит здесь вас не только без вмешательства, но и без ведома людей, станет вам более понятным. А затем доставим, на ваше судно.

– Доходчиво, – признал фон Риттер. Прекрасно понимая, что он никак не может повлиять на дальнейшее развитие событий, капитан цур зее решил демонстрировать полную невозмутимость. – В таком случае, если это возможно, чуть подробнее о терринитах и их связями с темным миром. В том числе и с миром мертвых. Вы сказали, что они выходят из-под вашего контроля. Что это значит в реальной действительности?

– Если говорить упрощенно, темный мир – это в нашем, земном, понимании – мир духов, мир призраков, мир, который легко может обходиться без телесного мира людей, на каком бы уровне развития цивилизации они ни находились. Это значит, что терриниты совершенно не заинтересованы в том, чтобы на Земле и впредь господствующими оставались существа, облаченные в наши с вами бранные человеческие тела. Нет, пока что они не нацелены на истребление рода человеческого и никакой особой агрессии не проявляют.

– Но, как и полагается, вы готовитесь к худшему.

– ...Всячески пытаюсь исключить это худшее из хода ис-

тории нашей планеты.

– Все мы, в погонах сущие, пытаемся рассуждать точно таким же образом. Поэтому все усиленно готовимся к войне. Это я к тому, высокое собрание, что мне очень хотелось бы знать, как в вашем поднебесном мире воспринимается доктрина фюрера.

Выслушал его Посланник Шамбалы довольно терпеливо, и даже после того, как командир авианосца завершил свою речь, он еще несколько мгновений сидел с закрытыми глазами, то ли обдумывая сказанное капитаном цур зее, то ли стараясь погасить внутреннее раздражение. Скорее всего, это все же было раздражение, поскольку, прервав свое молчание, «шамбалист» вроде бы и не жестко, но довольно твердо произнес:

– Мы не будем сосредоточиваться сейчас на доктринах вашего фюрера. Что же касается тайной доктрины терринитов, то она заключается в том, что со временем весь живой, плотный материальный мир, частью которого мы с вами, люди, являемся, должен превратиться в мир эфирных существ. В свое время он зародился именно как мир эфирных существ, который должен был развиваться, питаясь только энергетикой Космоса, и не вмешиваться в развитие планеты Земля. Планеты, которая, собственно, и является живым первосозданием Космоса. И в которой – и на которой – все мы живем, как на космическом корабле, – паразитируя, как считают adeпты тайной доктрины терринитов, на теле плане-

ты, ну, скажем, как блохи – на теле собаки. Да простят нам Высшие Неизвестные такое сравнение.

– Должен заметить, господин Консул, что в этой своей тайной доктрине они не оригинальны. Все больше наших ученых приходят к такому же выводу. И не думаю, что их умозаключения навеяны только влиянием адептов терринитского мира призраков. К ним нетрудно прийти усилиями собственного ума.

– Вот только вы, лично вы, барон фон Риттер, приходите к ним не должны, – проговорил Консул голосом психиатра, внушающего своему пациенту, что на самом деле он не Наполеон, а обычный городской сумасшедший. – Никогда. Даже когда вам и в самом деле покажется, что додумались до этого... собственным умом. Суть всей нашей жизни и всей нашей борьбы заключается в том, чтобы при любой вселенской катастрофе, при любом потопе и любой геенне огненной сохранить популяции людей, делая их из поколения в поколение, из цивилизации в цивилизацию все более совершенными, все более выносливыми и жизнезащищенными. И если сейчас мы добиваемся у Повелителя Внутреннего Мира, вождя расы атлантов Этлена Великого, разрешения на то, чтобы сотворить в его владения Рейх-Атлантиду, то делаем это не потому, что прониклись любовью и доверием к вашему фюреру. И не потому, что считаем ваш социал-нацизм вершиной общественной мысли и социально-политического устройства...

Он на какое-то время умолк, и воспользовался этой паузой фон Риттер.

– Почему же тогда?

– Потому что ваш нацизм с вашим фюрером на самом деле следует считать нашим нацизмом, с нашим фюрером.

– Я должен понимать это так, что?..

– Это был величайший эксперимент, в ходе которого мы определяли ту нацию, которая способна к наибольшему сплочению, к самой высокой стадии мобилизации физических, интеллектуальных и духовных сил; которая готова проявить самую высокую степень дисциплинированности и идеологической сплоченности. И, наконец, германская нация – это нация, в основе идеологии которой уже сейчас заложено несколько основополагающих принципов. Прежде всего, нам импонирует ваше стремление к возрождению и чистоте арийской расы, к которой, кстати, принадлежим и мы, Посвященные Шамбалы, и нынешние арий-атланты, обитающие сейчас во Внутреннем Море Антарктиды. В то же время нам близко и понятно ваше стремление к мировому господству, стремление к вождизму как совершенной форме правления человеческим обществом; стремление к связи с космическими силами, а главное – стремление следовать теми же путями развития космических техники и технологий, какими следуют наши Космические Покровители.

– Логично и достаточно аргументированно, – вынужден был признать фон Риттер. – Но, может быть, вы еще и сооб-

щите мне, кто они – эти наши Космические Покровители?

– Непременно сообщим, барон. Как только убедимся в том, что вы готовы к связям с ними. Сначала человека учат понимать смысл слов, затем – понимать смысл Библии, которую этими словами написали, и только затем уже – понимать тот высший смысл бытия, ради христианского понимания которого апостолы сочиняли сие Святое Писание. Что же касается расы арийцев, которой суждено стать четвертой и основной расой на пути к формированию сверхчеловека, то пока что она всего лишь осваивает ту космическую азбуку, из которой со временем сможет составлять слова нового Святого Писания. Да и то постигают не все, а всего лишь очень узкий круг адептов доктрины Рейх-Атлантиды, к которому выпала честь принадлежать и вам, господин барон.

– Вынужден признать... – прокрихтел фон Риттер.

В ту же минуту дверь каюты открылась, и появился стюард с бокалами какого-то бело-розоватого напитка на подносе.

– Эликсир Шамбалы, господа! – объявил он.

– Так как называется вино, которое нам сегодня подают? – попытался уточнить командир «Швабенланда», когда стюард расставил бокалы.

– Это не вино, – сухо заметил Консул. – Называйте этот напиток так, как назвал его стюард, – эликсиром Шамбалы. По вашим, европейским, представлениям, он не очень приятен на вкус, но по составу своему и благотворному влиянию на организм он действительно достоин титула эликсира жиз-

ни. Настойка из тибетских трав с добавлением чего-то такого, неведомого никому, кроме изготовителей эликсира. Советую привыкать к его вкусу, а употребление его со временем превратить в ритуал.

Сделав глоток, фон Риттер и в самом деле внимательно «прислушался» ко вкусу напитка. Он был резким и не то чтобы слишком уж неприятным, но каким-то необычным, с привкусом полыни, настоящей на растворе из железа и марганца.

– Пить его следует не спеша, – объяснил Консул, – с минутными перерывами между большими глотками.

– Думаю, нам следует вернуться к теме нашего разговора. Если вдуматься, вожди существуют не только у нашего народа.

– Прежде всего вы, конечно же, имеете в виду Сталина?

– Которого русские пленные из окружения генерала Власова называют Кровавым Кобой⁴².

– Построение коммунизма – тоже один из самых жестоких экспериментов в истории человечества. Но там мы имеем конгломерат наций, рас и национальных идеологий. Это не тот вождь, не та страна и не та идеология. И потом, не следует забывать, что коммунизм – это зашифрованная доктрина пути к мировому господству еврейства во главе со Всемирным сионистским конгрессом и его лидером Хаимом Вейц-

⁴² Коба – одна из кличек Сталина. Так называли его люди, которые были знакомы с ним еще со времен революции.

маном. Однако Всемирный сионистский конгресс – всего лишь видимая часть тайной власти всемирного еврейства. Истинная же власть сосредоточена в древнем и сверхсекретном Обществе Сиона, адепты которого для того и объявили еврейство богоизбранной нацией, чтобы предложить его элиту Высшим Посвященным Шамбалы и Космическим Покровителям в качестве основы для расы сверхлюдей. Минутку...

Консул повернулся к приставному боковому столику, открыл лежавший на нем тонкий металлический чемоданчик-папочку и, немного поколдовав над его клавишами, похожими на клавиши портативной пишущей машинки, развернул так, чтобы Альфред фон Риттер мог видеть зажегшийся на нем экранчик.

– Что это за аппарат?

– Пройдет какое-то время, и такие же аппараты появятся почти у каждого германца. С их помощью вы сможете мгновенно обмениваться письмами и всевозможными посланиями, даже находясь на противоположных концах планеты.

– Невероятно. Когда я расскажу о нем своим коллегам...

– Вы не станете рассказывать вашим коллегам ни о нашей с вами встрече, ни об этом аппарате, ни о тех встречах, которые последуют сегодня с согласия Правителя Страны атлантов, – с каждым словом голос Посланника Шамбалы становился все более резким и твердым. – Все те подземные пустоты, которые вашим подводникам удастся со време-

нем обнаружить в Новой Швабии, должны подаваться как их собственные открытия, без упоминания того, что в глубинах Антарктиды уже существует целая нация, целая страна. Вы все поняли и все запомнили, капитан цур зее?

Барону не понравились ни его приказной тон, ни его последний вопрос, прозвучавший с явной угрозой в голосе. Тем не менее он покорно ответил:

– Все.

– Если вы нарушите это условие, казнить вас будут ваши же палачи, в застенках гестапо, как врага фюрера и рейха, продавшегося русским. Или англичанам... Что уже не имеет особого значения.

– Понятно, – процедил фон Риттер. – И давайте вернемся к вашему аппарату.

– ...Напомнив при этом, что сейчас вас должен интересовать не сам аппарат, а текст, который на нем высветился. Обращаю внимание, перед вами – одно из программных, базовых высказываний вашего фюрера: «Вторая мировая война – это борьба не на жизнь, а на смерть, – вчитывался в крупно выписанный готическими буквами текст Альфред фон Риттер, – и поэтому никогда не следует забывать, что мировое еврейство, после того, как Всемирный сионистский конгресс и его лидер Хаим Вейцман объявили нам войну, является ярким врагом национал-социализма, врагом номер один.

Еврейство пытается проворачивать в Европе свои дела, но уже священное чувство эгоизма должно побудить евро-

пейцев отвергнуть все это, поскольку евреи как раса способны вынести гораздо более суровые испытания, чем они. После войны никто не сможет заставить меня отказаться от намерения разрушать город за городом, до тех пор, пока все евреи не покинут их и не отправятся на Мадагаскар или в какое-либо еще еврейское национальное государство... Сталин в беседе с Риббентропом также не скрывал, что ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока еще ему нужны»⁴³.

– Мне не хотелось бы обсуждать подобные высказывания фюрера. Тем более обсуждать с чужестранцами.

– Мы и не станем делать этого. Хотя и предупреждаю, что у нас нет больше времени на какие бы то ни было длительные социальные и военно-политические эксперименты.

– У вас или у всех нас?

– У всех. Следующее столетие станет столетием глобаль-

⁴³ Здесь цитируются слова Гитлера, сказанные им в июле 1942 года в ставке «Вервольф» под Винницей, которые он затем неоднократно, в разных интерпретациях, повторял. Остров Мадагаскар упомянут был Гитлером неслучайно. В 1940 году на одном из секретных совещаний высшего руководства рейха обсуждался вопрос о полном переселении всех европейских евреев на этот остров. Однако в январе 1942 года, во время конференции высшего руководства рейха, НСДАП и СС с участием группы германских политиков и ученых в Ванзее была принята доктрина и выработан проект «окончательного решения еврейского вопроса» (строго секретный план «Endlosung»), согласно которому все европейские евреи подлежали уничтожению.

ных катастроф, которые поставят нынешнюю внешнюю цивилизацию на грань гибели. Единственное, что мы сумеем сделать для этой цивилизации – это спасти и сохранить ту часть землян, которая представляется нам физически, морально и идеологически наиболее приспособленной к существованию в необычных для внешней расы условиях Внутреннего Мира. Она же, вместе с расой атлантов и расой сибиридов, или расой снежных людей, будет участвовать в сотворении Сверхчеловека, который и сможет быть принят в сообщество расы Повелителей Вселенной.

С каждым глотком напитков становился все более терпимым на вкус; к тому же фон Риттер начал ощущать на себе его возбуждающее действие, подобное действию наркотиков – общее самочувствие улучшалось, восприятие становилось избирательно обостренным и в какой-то степени хмельным.

– Простите, вы упомянули расу снежных людей. Нам известны ее представители. В каждой стране их называют по-своему, но, в общем-то, так никто толком и не знает, что собой представляет это существо. В газетах сообщают, что речь вроде бы идет о некоей человеко-обезьяне.

– Они недалеко от истины. Это действительно наиболее замкнутая и отчужденная раса, обитающая в подземном пространстве между северной частью Сибири и южной частью Ледовитого океана. Россияне и некоторые другие народы называют этих существ снежными человеком. Мы же называ-

ем их расой сибиридов. Особенностью ее развития стало то, что она избрала, условно говоря, животный путь развития человека.

– Как же мудро облегчили они себе жизнь, высокое собрание! Не в пример нам – с нашими парламентами, партиями и политическими интригами.

Выслушав его, Посланник Шамбалы едва заметно улыбнулся. Это была снисходительная улыбка взрослого, внимательно выслушивающего лепет младенца.

– Порой с вами, европейцами, очень интересно общаться. Узнаешь много интересного для себя. Так вот, о сибириде... Там не все так просто. Максимально консервируя в себе все то мощное, физически выносливое, нацеленное на выживание в самых суровых условиях Арктики, что только можно было позаимствовать у своих предков, сибириды из поколения в поколение укрепляли свое тело и своей генофонд в селекционных связях с одной из обезьяньих ветвей рода человеческого.

– Точно так же, судя по рассказам путешественников, пытаются поступать некоторые наши африканские племена. Правда, дальше ночных усад с обезьянками дело у них не продвигается, потомства они не получают.

– Потому что так было предусмотрено Высшими Неизвестными, которые не любят, когда люди пытаются распоряжаться своими генными возможностями по собственному усмотрению. Кстати, нелишне вспомнить теорию ваше-

го ученого Йорга Ланц фон Либенфельса⁴⁴, предрекавшего войну между хельдингами, то есть героями белокурой расы господ, и аффлингами, то есть обезьяноподобными. Знаю, что она многим не нравится, ее стремятся отвергнуть, как античеловеческую и недемократичную, расистскую. А тем временем Либенфельс настойчиво призывает белокурых героев-хельдингов хранить чистоту своей расы и ни в коем случае не вступать в браки с обезьяноподобными, имея при этом в виду не сибиридов, а людей низших рас, то есть неарийцев.

Капитан цур зее понятия не имел, о каком фон Либенфельсе идет речь, однако многозначительно промычал:

– Да уж... – и, немного помолчав, добавил: – Для нас, европейцев, для всех белых, это действительно проблема – выжить под натиском желтой и черной рас; сохранить себя, не обезьяниться.

– В конечном итоге, – продолжил свой рассказ Посланик Шамбалы, – раса сибиридов и сама превратилась в эту обезьянью ветвь и, наверное, совершенно отстала бы в своем развитии, навечно оставшись на обезьяньем уровне, если бы не спонтанная связь ее элиты с элитой одного из параллельных миров. Оттуда, из параллельного мира, снежный чело-

⁴⁴ Йорг Ланц фон Либенфельс выступал под псевдонимом Георг Ланц. Этот бывший монах во времена фюрера стал издателем журнала «Остара», на страницах которого обсуждались проблемы расовой чистоты. Понятие «хельдинги» происходило от слова «Held», то есть «герой», а «аффлинги», от слова «Affe», то есть «обезьяна». В начале своего восхождения Гитлер увлекался его публикациями.

век-сибирид заимствовал таинство гипнотического внушения и предельной нацеленности на господство... хотя бы в пределах Евразии. Не скрою, что при формировании новой расы – расы арийского сверхчеловека мы, само собой разумеется, максимально используем физическую генетику расы сибиридов.

– Сталин об этом сибирском соседстве с сибиритами извещен?

– С нашей стороны более или менее убедительных доказательств не поступало. Отдельные сообщения своих ученых и агентов разведки Кровавый Коба, как мы его называем, игнорировал или же приказал не обсуждать их публично, поскольку имеющиеся там факты не согласовываются с так называемой марксистско-ленинской теорией и прочим сионистским бредом.

– Насколько я понимаю, у вашего общества стражей Земли тоже существует неприязнь по отношению к Обществу Сиона?

– Точнее будет сказать, что у адептов Общества Сиона развивается неприязнь к нашему обществу. Однако не будем отвлекаться. Для вас важно знать, что в последние десятилетия сибириты предпринимают попытку вернуться на поверхность земли, расселиться и завладеть если не всей планетой, то, по крайней мере, значительной частью евразийского континента. К этому еще, пожалуй, следует добавить, что все три цивилизации имеют довольно отдаленные от мет-

рополий колонии и что каждая из этих подземных цивилизаций зарождалась из остатков одной из трех предыдущих наземных цивилизаций нашей планеты. Естественно, каждая из них идет теперь своим путем развития.

– При этом раса атлантов избрала технократический способ развития, и сейчас она предстает технически наиболее развитой и наиболее близкой по своим устремлениям и мировоззрению к наземным расам.

– С той лишь поправкой, что раса атлантов использует некоторые технологии, к которым она была допущена Космическими Покровителями, а также учитывает ошибки технократического пути наземной цивилизации.

– Одно непонятно: почему они до сих пор не установили прочной и надежной связи с нами?

– Это-то как раз никакой загадки не содержит. Во-первых, возникает вопрос, с кем именно связываться: с нацистской Германией, коммунистической Россией, капиталистической Америкой, амбициозной и воинственной Японией или перенаселенным, но основательно отстающим в своем развитии от остального цивилизованного мира Китаем? И потом, Повелитель Внутреннего Мира и элита атлантов прекрасно понимают, что пока что их выход на поверхность земли был бы убийственно преждевременным. На поверхности земли для них нет, а если их техника и технологии окажутся в руках одной из наземных наций, она сделает все возможное, чтобы использовать ее для установления мирового господства,

в том числе и прежде всего господства над их Внутренним Миром. Со временем – да, придет и время атлантов, но только не сейчас, их выход на один из старых континентов оказался бы губительным для всего, с таким трудом созданного, Внутреннего Мира.

– Однако атланты уже способны защитить себя? – запустил пробный, провокационный шар Альфред фон Риттер.

– Способны. Но все равно это война. И кто знает, хватит ли их потенциала, когда в Германии и других странах появятся усовершенствованные ракеты, способные долетать до Антарктиды с любой базы европейского континента. Атланты не желают постоянно находиться в состоянии войны и военного соперничества с нациями внешнего мира. Они предпочитают гордо игнорировать их существование. По крайней мере, до тех пор, пока технократизация существования земель внешнего мира не приведет к угрозе жизни самой планеты Земля.

– Но они-то хоть знают, что в реальности происходит на континентах внешнего мира?

– В основных чертах – да. Во всяком случае, Посвященные Внутреннего Мира владеют обстоятельной информацией, касающейся событий в Европе, Америке и Азии. И помогаем им в этом мы, люди, которые называют себя стражами Земли и составляют тайное общество стражей Земли. Однако вся эта информация жестко фильтруется элитой Внутреннего Мира.

– Если Внутренний Мир управляется Повелителем, а информация жестко фильтруется – значит, в подземельях Антарктиды царит монархия, и процесс гниения европейской демократии всех наших государственно-общественных устоев его пока еще не достиг?

– Вы правильно определили существо проблемы: гниль европейской демократии. Можно разве что уточнить, что это – гниль евро-американской демократии. У демократической формы правления нет будущего. К середине XXI века жизнь на планете станет настолько суровой, а межгосударственные, политические и особенно религиозные распри – настолько ожесточенными, что выживать будут только те нации, которые сумеют воспитать себе мудрых, с наследственной формой правления, вождей и решительно объединиться вокруг них.

– Мне вполне понятен ваш монархизм. Перед вами его закоренелый приверженец. Впрочем, наш гитлеризм – тоже одна из форм монархии.

– Ничто так не развращает общество, нацию, народ, как демократия! Потакать демократическим капризам миллионов избалованных цивилизацией, ленью и безответственностью людей – так же преступно, как и потакать капризам обнаглевших в своей беспризорности подростков. Чем ближе человечество будет подходить к середине XXI века, тем сложнее будет ему выживать и тем явственнее будут проявляться пороки этой самой гнилой демократии. Кстати, вы

ощутили? Субмарина всплывает.

В ту же минуту дверь открылась, и на пороге появился вестовой матрос.

– Господин Консул, – обратился он по-английски, – капитан предлагает вам подняться на палубу. Мы входим в Оазис атлантов.

– Благодарю, матрос, мы поднимаемся.

– С элитой атлантов мы разобрались, – поспешно напомнил Консулу барон фон Риттер, опасаясь, что в присутствии капитана и других офицеров страж Земли возвращаться к этой теме не захочет. – А каковы познания и взгляды рядовых атлантов?

– Рядовых? В условиях рациональной диктатуры Внутреннего Мира – это не столь уж и важно. Но могу сообщить: единственное, что им доподлинно известно, так это то, что здесь, на поверхности планеты, их ожидают погибельно суровый климат и губительная масса всевозможных болезней, вызванных смертоносными вирусами и бактериями; а еще – враждебно настроенные к ним и друг к другу нации землян, – объяснял тибетец уже на ходу, следуя узким чревом субмарины за вестовым. – Нации, которые обитают где-то там, за сотни миль безжизненного ледового континента и за огромным океаном, и которые даже не догадываются, цитирую Повелителя Внутреннего Мира Этлена Великого: «... что годы их залитого кровью, закрепощенного оковами идеологий и политиканства, объятых многовековой враждой и

ненавистью внешнего мира – сочтены».

– Но они действительно сочтены? Или, может быть, к этому предостережению следует относиться, как к библейскому пророчеству о Страшном суде и конце света?

– Изгоняйте любые сомнения на этот счет.

– И вам давно известно об этом?

– Гордитесь, что вам выпала святая миссия спасения молодой германской элиты.

– Только молодой и только элиты? А что будет с германской нацией, с Германией?

– Все, что мы будем делать – мы попытаемся делать во имя будущей арийской цивилизации, – уклончиво ответил Посланник Шамбалы.

– Почему же вы не вмешаетесь в развитие событий?

– А как по-вашему, барон, почему я сейчас здесь, на субмарине, в холодных льдах Антарктиды?

– Пока что трудно сказать, – с вызовом обронил фон Риттер.

– И все же... Чем, на ваш взгляд, я теперь занимаюсь?

– Я имею в виду более высокое – космическое, духовное вмешательство. Очевидно, нужно прибегать к более решительным, радикальным мерам. Вы должны определиться: с кем вы, что значат для вас дружественные отношения с рейхом; какую роль вы способны сыграть в утверждении на планете идеалов национал-социализма.

– Например, немедленно менять общественное устрой-

ство и общественную психологию? Подавлять индивидуалистские амбиции миллионов индивидуумов, давно и безнадежно раскрепощенных демократией?

– Но вы же собираетесь навести на этой планете хоть какой-то – приемлемый для вас, арий-атлантов, Высших Неизвестных или кого-то там еще – порядок?

– Не забывайте, барон фон Риттер: мы ведь не боги. Мы всего лишь Посвященные в Великое Таинство Шамбалы.

– А если не собираетесь или не способны, тогда не мешайте делать это нам, германцам, – решительно молвил фон Риттер, давая Посланнику Внутреннего Мира понять, что пока они находятся во внешнем мире и обязаны жить по его законам и реалиям.

– А мы и не мешаем, – на удивление спокойноотреагировал Консул.

– Тогда в чем заключается ваша миссия? Объясните мне, старой морской крысе, только так по-флотски, без этой вашей тибетско-философской зауми.

– Вся наша миссия заключается в том, что, на свой страх и риск, мы пытаемся предупредить нынешнюю цивилизацию о надвигающейся опасности и спасти хотя бы какую-то часть ее элиты.

15.

Октябрь 1943 года. Берлин.

«За вами – Имперская Тень, которую теперь уже следует готовить по-настоящему и никогда не упускать из вида, – первое, что вспомнил шеф диверсионного отдела СД, проснувшись на следующее утро, – и папка «База-211».

Вчера, во время беседы, ему показалось, что Гитлер произнес это «папка “База-211”» только для того, чтобы напомнить ему о нынешней поездке в замок Вебельсберг. Но сейчас, по-армейски быстро одеваясь и приводя себя в надлежащий вид, Скорцени неожиданно открыл для себя ту прямую связь, которая существовала между проявлением интереса фюрера к судьбе своего обер-двойника⁴⁵ и папкой, с которой ему надлежало ознакомиться. Так что, фюрер допускает такую возможность... переброски лжефюрера Зомби в Антарктиду?!»

– Но это невероятно! – вслух возразил он себе. – Это, ко-

⁴⁵ По имеющимся сведениям, у Гитлера было три официальных двойника, личности которых по понятным причинам не афишировались. С протокольной достоверностью известно, что труп одного из них был обнаружен представителями советского командования в мае 1945 года во дворе рейхсканцелярии. Именно это обстоятельство используется сейчас сторонниками версии о том, что на самом деле 30 апреля 1945 года в бункере покончил жизнь самоубийством не Гитлер, а один из его двойников.

нечно же, было бы авантюрой, но... слишком талантливой для того, чтобы оставаться всего лишь авантюрой.

– Машина ждет вас, господин штурмбаннфюрер, – вырисовалась в утреннем тумане, у ворот его небольшого особняка, фигура адъютанта Родля.

– Это уже не машина, Родль, это судьба.

Закрыв на замок мощные, почти крепостные, ворота, штурмбаннфюрер оглянулся на мрачный, едва просматриваемый в утреннем полумраке дворик, который казался ему сейчас таким тихим и защищенным. И не только потому, что, несмотря на участвовавшие налеты вражеской авиации, ни одна бомба в этом уголке города еще не взорвалась.

Скорцени, человек, возглавлявший отдел диверсий РСХА и, казалось бы, воистину не ведавший страха, профессионально умевший сам и других обучавший умению буквально из-под земли доставать своих врагов, внутренне, в глубинах души, как-то интуитивно тянулся ко всему обособленному, удаленному, предельно защищенному.

– И опять без охраны, – едва слышно, чтобы не привлекать внимание водителя, упрекнул его адъютант. – Почему вы не предупредили меня вчера, что?..

– Я только до тех пор и чувствую себя защищенным, пока о моем местопребывании не знает мой адъютант, – мрачно отшутился Скорцени, но тотчас же положил руку ему на плечо.

Оберштурмфюрер Родль был для него не просто адъютан-

том. Когда-то они вместе служили в дивизии СС «Дас рейх», вместе последними патронами отстреливались в заснеженном, почти заледенелом окопе у какого-то подмосковного городка, вместе прошли подготовку в разведывательно-диверсионной школе и на специальных курсах особого назначения «Ораниенбург»⁴⁶.

На этого человека он всегда мог положиться, и в душе был признателен Родлю за то, что тот смирился со своей ролью адъютанта, хотя это и мешало его собственной карьере диверсанта. Талантливого диверсанта, истинного профессионала войны.

Что же касается этого домика в пригороде Берлина, неподалеку от замка Фриденталь, то с недавних пор он стал одним из логовищ, в которое Скорцени залегал всякий раз, когда намечалось очередное задание, или же когда задерживался на Фридентальских курсах, где не столько преподавал, сколько подбирал для себя будущих агентов. Высокая металлическая ограда, окна-бойницы и дубовые – входная и ведущая на второй этаж – двери превращали этот домик в настоящую крепость.

Впрочем, укрывался в ней Скорцени не из соображений

⁴⁶ Особые курсы, располагавшиеся в одном из пригородов Берлина, буквально в часе езды от Главного управления имперской безопасности, в охотничьем замке Фриденталь, по названию которого эти курсы еще порой называли Фридентальскими. Здесь готовили элиту германской диверсионной службы и руководителей повстанческих движений для различных стран и народов, в том числе и для республик СССР. Курсантом, а затем и руководителем их был Отто Скорцени.

без опасности, а из желания как-то ограничить свой мир, замкнуть его в каких-то надежных стенах, вычленив из военно-жизненной суеверности, сделать уютным и надежным.

– Что с самолетом на Падерборн?⁴⁷ – спросил Скорцени, уже садясь в машину.

– Он ждет вас, как мне объяснили, по личному приказу Гиммлера, – отчеканил Родль.

«...Если Гитлер не забыл приказать своему адъютанту позвонить Гиммлеру и попросить, чтобы тот позаботился о самолете для меня, – значит, это уже серьезно!» – подумалось Скорцени.

Он и сам звонил вчера начальнику аэродрома, однако тот заверил шефа СС-диверсантов, что личный приказ Гиммлера по поводу самолета получен. Но даже если бы его не было, все равно «героя нации Скорцени», прославившего германские люфтваффе, он готов доставить в любую точку планеты. После этой беседы Скорцени еще сильнее захотелось поскорее взять в руки эту загадочную папку «База-211». Очевидно, ему действительно найдется работа и на этой секретной базе. И не столь уж важно, какого характера она будет. Сейчас он вел себя, как застоявшийся в своем стойбище бойцовский бык, уже подзабывший, что такое настоящий бой быков

⁴⁷ Город, расположенный на северо-востоке федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия. Недалеко от этого города находится средневековый замок Вебельсберг, который незадолго до Второй мировой войны был реконструирован и использовался высшей верхушкой СС в качестве своего секретного штаба. Именно в этом замке проводились самые секретные совещания СС-элиты.

под рев неистовствующих трибун.

– Правда, дежурный по аэродрому опасается, – вновь заговорил Родль, усаживаясь на заднее сиденье за спиной у водителя, – что по пути нас могут перехватить бомбардировщики или истребители союзников. Обычно они появляются к девяти утра.

– Пусть уведомят англичан, – проворчал штурмбаннфюрер, – что Скорцени вылетает на своем самолетике в восемь и советуют поторопиться.

...К своему стыду, до сегодняшнего дня Скорцени действительно ничего не знал о Рейх-Атлантиде. Вообще ничего о том, что связано с покорением и обустройством усыпленного льдами континента. Кроме, разве что, того, что к его берегам было осуществлено несколько научных экспедиций и что на одном из островов вблизи Антарктиды Геринг и Дениц пытаются создать военную базу, которая бы стала опорной для германского флота и люфтваффе.

Однако все эти факты были общеизвестными. Никто в рейхе и не пытался скрывать, что по приказу фюрера в конце 1938 года к Антарктиде был направлен авианосец «Швабенланд», на борту которого находились два гидросамолета. Официально экспедицией командовал капитан цур зее Альфред фон Риттер. Но лишь официально – постольку, поскольку он являлся командиром судна.

На самом же деле все исследования и вся разведка были возложены на командира отряда пилотов морской авиации

Эриха Крозетта. Который имел право докладывать фон Риттеру и его офицерам только о том, что не представляло собой особой государственной тайны, и показывать только те снимки, на которых не было ничего, кроме ледяных глыб и пингвинов.

Вспомнив о Риттере, Скорцени вновь лихорадочно перелистал содержимое папки и, изъяв из бумаг его донесение, углубился в чтение: «12 апреля 1939 года. Гросс-адмиралу Редеру...»

Отто уже знал, что приход «Швабенланда» в Гамбург был приурочен ко дню рождения фюрера и что незадолго до его прибытия в Гамбург, а точнее, 1 апреля, Гитлер присвоил главнокомандующему Кригсмарине генерал-адмиралу Эриху Редеру звание гросс-адмирала⁴⁸.

О, да! В то время Редер все еще чувствовал себя довольно уверенно, несмотря на то, что некогда уволенный им из флота «за неподобающее германскому морскому офицеру моральное разложение» Рейнхард Гейдрих, воспринимавший его с тех пор как своего личного врага, уже был назначен начальником Главного управления имперской безопасности, то есть шефом СД.

Только что, в январе 1939 года, Редер представил фюреру секретный план «Зет». Этим планом предусматривалось

⁴⁸ В германском флоте существовало пять адмиральских чинов: контрадмирал, вице-адмирал, адмирал, генерал-адмирал и гросс-адмирал. Чин гросс-адмирала соответствовал высшему чину вермахта – генерал-фельдмаршалу.

строительство двадцати девяти субмарин в месяц вместо доселе спускаемых на воду двух, а также строительство легких линейных крейсеров, так называемых карманных линкоров, которые были бы хорошо вооружены, обладали большой скоростью и прекрасной маневренностью. То есть соответствовали всем требованиям, предъявляемым к рейдерским судам.

«...Докладываю: в январе 1939 года находящееся под моим командованием специально оборудованное гидрографическое военно-исследовательское судно “Швабенланд” с двумя гидросамолетами на борту прибыло в район Антарктиды, к Берегу Принцессы Астрид. Мы исследовали прибрежные ледовые поля и четырежды высаживали разведывательные десанты на берега Принцессы Астрид и Принцессы Марты.

В течение всех 22 суток, которые продолжалось исследование этих берегов, гидросамолеты, взлетавшие с палубы с помощью специальных катапульт, облетали Берег Принцессы Астрид и Берег Принцессы Марты, изучая характер поверхности, делая ее снимки и определяя зону влияния рейха с помощью металлических выпелов со свастиками, которые летчики сбрасывали после каждых 25 километров полета. Таким образом, было визуально изучено и помечено выпелами 600 тысяч квадратных километров. Из них 350 тысяч километров зафотографировано.

Как показывают данные авиаразведки, в трех местах, ко-

которые помечены на прилагаемой к докладу карте Антарктиды, были обнаружены полярные оазисы, свидетельствующие о том, что в данных районах близко к поверхности подступают мощные источники тепла. Особый интерес представляет собой отмеченный на прилагаемой карте район, в котором из глубин континента пробивается к океану теплое течение.

Водолазная разведка показала, что оно является подземным проливом между двумя массивами материка, которые пока что не стали островами, поскольку все еще соединены верхним слоем скального грунта и ледовым панцирем. Для исследования этого глубоководного течения, а также пустот, возможно, образовавшихся по его берегам, понадобится экспедиция специального отряда подводных лодок и специально подготовленных и экипированных водолазов. Более подробный доклад будет представлен старшим штурманом “Швабенланда” корветтен-капитаном Вилли Штауфом, а также командиром отряда пилотов морской авиации гауптштурмфюрером СС Эрихом Крозеттом.

Я выполнил миссию, возложенную на меня маршалом Герингом. Впервые германские самолеты пролетели над антарктическим континентом!

Хайль Гитлер!

Командир военно-исследовательского судна “Швабенланд” капитан цур зее Альфред фон Риттер».

Скорцени не стал искать карту, на которую капитан цур зее ссылался и которую, конечно же, к своему докладу при-

ложил. Он уже знал, что ни этой, ни вообще какой бы то ни было карты в папке «База-211» нет. Ее изъяли. Вопрос: кто, когда и с чьего разрешения?. И почему страницы в этой папке не пронумерованы, хотя каждому штабисту и архивисту известно, что порядок в документации начинается именно с этой банальной нумерации?

Нет, Отто, конечно же, понимал, что теперь о месте, в котором имеется вход в подземный антарктический эдем, знают уже несколько человек, в том числе и коммодор Вилли Штауф, который в эти минуты должен причаливать к пирсам подземной базы «Нордберг». Иначе капитаны тех судов, которые приходили к Новой Швабии после «Швабенланда», а также командиры подводных «стай» Деница, попросту не смогли бы доставлять людей и грузы туда, куда им было приказано.

Но в таком случае достаточно было сделать фотокопию карты Риттера, зачем понадобилось ее изымать? Объяснение может быть только одно: тот, кто это сделал, решил, что стоять у ворот новоявленного подземного рая имеет право только он. Ибо только он, подобно апостолу Петру, имеет на это право! И попадать туда могут только те люди, которым он, лично он, доверяет и которым лично это позволено будет сделать.

И этим человеком мог быть только Геринг, который взял в то время под свой контроль всю операцию «База-211». Причем взял ее, несмотря на то, что лавры первооткры-

вателей входа в подземную Швабию принадлежали не его люфтваффицам, а подводникам гросс-адмирала Редера.

Кандидатура «подозреваемого» была бы окончательной, если бы не исчезновение из папки и рапорта – отчета штандартенфюрера Альфреда фон Риттера, возглавлявшего службу безопасности во время первого похода «Конвоя фюрера» под командованием контр-адмирала Теодора Готта.

Доклад самого Готта в папке был, но – предельно краткий и лаконичный, составленный из общих словес, – он мог служить разве что классическим примером того, как никогда и ни при каких обстоятельствах подобные, имперской важности, доклады составлять... не следует. Или же, наоборот, как их нужно составлять в тех случаях, когда никто из допущенных к секретным страницам не должен получить никакой сколько-нибудь важной информации.

Но... неужели Геринг решился бы на такое, не имея санкции если не фюрера, то хотя бы Гиммлера?! Причем Скорцени прекрасно понимал, что никакая сверхсекретная папка-досье ответ на этот вопрос ему не даст.

Впрочем, одна предельно важная для Скорцени зацепка в этом странном докладе все же содержалась: всякого, кто принимался за чтение его антарктической исповеди, контрадмирал отсылал к отчету о походе начальника службы безопасности «Конвоя фюрера» штандартенфюрера СС барона Альфреда фон Риттера. Вот только самого отчета в папке тоже не оказалось.

То есть на деле сверхсекретность этой папки заключалась лишь в том, что в ней содержались сведения, связанные с организацией самих антарктических экспедиций к Новой Швабии, а также с рейдерскими атаками крейсера «Пингвин», которому было приказано охранять подходы к новой рейх-территории. Правда, там еще были кое-какие выкладки, касающиеся военно-продовольственных поставок, осуществлявшихся на «Базу-211», а также поставок на нее рабочей силы. Но от всей этой бухгалтерии Скорцени замутило уже на второй страничке отчета.

Нет, Скорцени, естественно, отдавал себе отчет в том, что даже подобных бухгалтерских выкладок опытному английскому или русскому разведчику вполне хватило бы, чтобы понять, какого характера строительство разворачивается теперь подо льдами Антарктиды. И все же его, начальника службы безопасности операции «База-211», интересовало сейчас не это.

Он пытался понять: первыми ли они, воины рейха, осваивают подземный мир Новой Швабии или же какая-то неизвестная наземному миру раса там уже обосновалась? А если обосновалась, то что она собой представляет? Какой степени угроза может происходить от нее, и каков характер отношений между ней и обитателями «Базы-211»?

И еще его заинтересовала одна, так сказать, кадровая деталь, связанная с судьбами двух баронов. Он обратил внимание на странную вещь: во время первой экспедиции к

Антарктиде начальником ее был капитан цур зее командир «Швабенланда» Альфред фон Риттер. А Теодор фон Готт, тогда еще в чине фрегаттен-капитана, был начальником службы безопасности и помощником командира.

Однако прошло немного времени, и барон фон Готт, уже в чине контр-адмирала, командует «стаей» субмарин «Фюрер-конвоя», в то время как барон фон Риттер, оставшись капитаном цур зее, оказался в этой же «стае» в роли начальника службы безопасности. Понятно, что за этой рокировкой, этим взлетом барона фон Готта, что-то скрывалось, за ним вырисовывалась какая-то интрига. Но какая? В чем ее суть?

* * *

Скорцени нажал на кнопку, вмонтированную в ножку стола, и несколько мгновений спустя в двери появилась крепко скроенная, с обвисшими плечами отставного боксера, фигура доктора Ридэ. Вот только одет он был как-то странно: серый френч без погон и знаков различия дополнялся широченными коричневыми галифе времен Первой мировой, причем непонятно, из мундира какой армии мира изъятыми, и новенькими английскими ботинками, будто бы только что снятыми с ног убитого парашютиста.

Если бы Скорцени увидел человека в таком одеянии где-нибудь за пределами священного храма СС «Вебельсберг»,

наверняка принял бы его то ли за беглого военнопленного, то ли за наспех переодетого местными крестьянами, во что Бог послал, дезертира. Да и широкоскулое лицо, испещренное давнишними шрамами, с искривленным носом и темно-синими подглазными мешками, тоже ни об аристократизме его носителя, ни о собственной холености не свидетельствовало.

– Слушаю вас, штурмбаннфюрер, – угрюмо, с какой-то ожесточенностью во взгляде, проговорил хранитель архива института «Аненербе», очень смахивающий на спившегося, а посему давно списанного с ринга боксера.

– Как давно из этого досье исчезли доклады корветтен-капитана Вилли Штауфа и гауптштурмфюрера СС Эриха Крозетта?

– Я не знаком с содержимым этого досье, мне запрещено знакомиться с ним.

– Вам было запрещено. Тем не менее вы с ним ознакомились, чем грубо нарушили инструкцию. Мне повторить свой вопрос?

– Доступ к нему крайне ограничен. А круг людей, которые в принципе могут получить этот доступ, жестко очерчен.

– Это не ответ, доктор Ридэ.

– Зато запрашивали его люди, которые вправе изымать и уничтожать не только отдельные документы, но и всю папку, – монотонно пробубнил доктор Ридэ, исподлобья глядя на первого диверсанта рейха. С его титулом хранителя архива еще можно было как-то согласиться, а вот с его доктор-

ским титулом...

Скорцени вышел из-за стола, приблизился к доктору-хранителю и, презрительно смерив его расстрельным взглядом, улыбнулся своей леденящей душу улыбкой.

– Вы прекрасно ознакомлены со всем, что содержится в папке «База-211», а также со списком лиц, которые с ней ознакомились, – с настойчивостью гипнотизера, внушающего своему подопытному мысль о самоубийстве, проговорил Отто. – А посему вам хорошо известно, кто именно изымал из нее документы.

– Мне это неизвестно, – все так же мрачно, но уже не столь уверенно парировал доктор Ридэ.

– ...А ведь сейчас перед вами стоит человек, которому позволено не только изъять и уничтожить любую из бумажек этой папки, но столь же безболезненно изъять и уничтожить вас. И никаких псалмопений по этому поводу, – вдруг взорвался он своим камнедробильным рыком, – никаких псалмопений!

Ридэ отчетливо видел, как уродливый шрам, рассекавший левую щеку шефа диверсантов от мочки уха до подбородка, нерв но задергался, а рука легла на кобуру пистолета.

«Этот выстрелит, – сказал себе хранитель. – Выстрелит, не задумываясь, не усомнившись в своей правоте и в благости намерений. Причем завтра все будут знать, что герой нации уничтожил еще одного врага рейха, проникшего во святая святых СС».

– Фюрер желает знать, – деликатно, двумя пальцами открывал кобуру пистолета первый диверсант рейха, – у кого именно находятся те документы, которые, вопреки его приказу, из этой папки изъяты.

– У рейхсмаршала Геринга, – ни на мгновение не задумываясь, отрапортовал Ридэ. А после небольшой паузы, которую Скорцени ритуально не нарушал, поспешливо добавил: – Мотивы его действий мне неизвестны, господин штурмбаннфюрер, – это правда.

– Наконец-то я слышу членораздельную речь, – вернулся Скорцени на свое место за столом, и, положив пистолет перед собой, все с той же внушительностью произнес: – На все вопросы, которые я вам сейчас задам, вы будете отвечать как на исповеди у ворот рая. Сюда, к столу, – указал он пальцем на место, которого решил удостоить хранителя, так и не предложив ему присесть.

– На все вопросы... – вежливо склонил голову Ридэ, останавливаясь именно на том месте, на которое указал Скорцени.

– Кто сейчас является начальником «Базы-211»?

– Начальником не только самой базы, но и всей Рейх-Атлантиды является вице-адмирал барон фон Готт.

– А кто возглавляет службу безопасности Рейх-Атлантиды?

– Капитан... простите, теперь уже контр-адмирал барон фон Риттер. Недавно его повысили в чине. Слишком запоз-

дало, должен заметить.

– Но ведь первой экспедицией командовал командир авианосца «Швабенланд» капитан цур зее барон фон Риттер. А фон Готт пребывал тогда всего лишь в чине фрегаттен-капитана и отвечал за безопасность операции. Почему уже во время первого рейда субмарин «Фюрер-конвоя» они помещались ролями? К тому же фон Готт уже тогда умудрился получить погоны контр-адмирала.

– Чин капитана цур зее фон Готт получил еще во время экспедиции, за выполнение какого-то особого задания.

– Какого именно?

– Известно только, что действовать ему пришлось в Латинской Америке и что побывал он там по заданию Гиммлера в интересах его института «Аненербе».

– С кем? Что вы смотрите на меня, как на «плачущую» икону Марии Магдалины? Я спрашиваю: с кем он там, в Латинской Америке, побывал?

– С Норманией фон Криффер – опытной диверсанткой, выпускницей диверсионной школы, оберштурмфюрером СС, графинею, двоюродной племянницей гросс-адмирала Редера и любовницей фон Готта.

– Какая исчерпывающая информация! Одно непонятно: если она выпускница диверсионной школы, то почему я с ней не знаком?

– Заметьте, что я и так избавил вас от необходимости вытягивать из меня по слову. Кстати, встретиться с ней вы уже

не сможете. Она отправилась вместе со своим бароном фон Готтом в Рейх-Атлантиду, что с ее стороны было по-голгофному жертвенно.

– Так уж и жертвенно!..

– Не забывайте, что из Рейх-Атлантиды в наш рейх уже не возвращаются. Таково решение Высшего Совета Внутреннего Мира, и оно, как непереносимое условие нашего вхождения во Внутренний Мир, было ультимативно навязано нам арий-атлантами. Кстати решение о том, что во главе «Базы-211» должен стать барон фон Готт, тоже было принято не фюрером...

– Вы хоть понимаете, что все то, что вы только что произнесли, звучит, как строка из расстрельного приговора? – не отказал себе в удовольствии прибегнуть к гестаповской шуточке Скорцени.

– То есть окончательное решение все же было за фюрером, – попытался уйти от «расстрельности» своей формулировки доктор Ридэ, – вот только продиктовано оно было волей Правителя Внутреннего Мира.

– Как говорят в таких случаях дипломаты: «Высокие Договаривающиеся стороны пришли к единодушному мнению...»

– Однако их единодушие дорого обошлось барону фон Готту, который ни под каким предлогом отбывать в Рейх-Атлантиду не желал. А если в конечном итоге он и отбыл туда, то лишь под угрозой расстрела за неповиновение по законам

военного времени. А чтобы хоть как-то подсластить этот «яд офицерской жизни», вслед ему фюрер швырнул эполеты вице-адмирала. Не знаю, правда, утешило ли его это.

– Кажется, я действительно упустил из виду жесточайшее условие атлантов: «Из Рейх-Атлантиды не возвращаются!» – признал свое упущение первый диверсант рейха. – Но ведь из большинства боев и заданий, в которые нас, солдат, посылают, тоже не возвращаются. При этом мы уходим не просто из Европы, мы уходим из жизни.

«Не успокаивай себя, – тотчас же мысленно парировал самому себе Скорцени. – Не исключено, что и тебя тоже заставят отбыть в подземелья Антарктиды, – вернулся он к своим прежним страхам. – И потом, несмотря ни на какие высокие гарантии, вернуться не позволят. В таком случае я сам уйду оттуда, с боем, дьявол меня расстреляй!»

– Прошу прощения, штурмбаннфюрер, но позволю себе заметить, что загонять под землю мертвого – это одно, а загонять туда живого – совершенно другое.

– Хорошо, – не стал ударяться в философствование Скорцени, – будем считать, что эту тему мы благополучно закрыли.

Скорцени налил себе в стакан минералки и медленно, долго наслаждался ее прохладой, наблюдая, как хранитель папки «База-211» с неуголимой жадой в глазах заглатывает воздух после каждого его глотка.

– Так все-таки, доктор Ридэ... Сознаетесь вы, наконец, из

чьих рук вы получили это досье? – вдруг совершенно неожиданно потряс в воздухе папкой «Базы-211» штурмбаннфюрер. – И заметьте, что это – главный вопрос, на который вы обязаны были ответить с самого начала нашего разговора.

– Но вы не задавали его, – мужественно напомнил ему доктор Ридэ.

– Да, тогда о чем же я все это время расспрашивал вас, дьявол меня расстреляй?! – окончательно ошарашил его Скорцени. – И какого черта я трачу на вас столько времени?! В последний раз спрашиваю: из чьих рук?!

– Из рук обер-лейтенанта Курта Шульрихтера.

– Господи, и это надо было таить в себе, как самую великую тайну катакомбного христианства?!

– Я и не таил, – из последних сил защищался доктор Ридэ, понимая, сколь близко оказался он сейчас у лагерных ворот.

– А ведь стоило только сказать, что папку вам передал этот самый Шульмихтер, Шульпахтер или как его там – и все! И ваша душа чиста, как после печей крематория!

Услышав это огненно-пепельное пророчество, хранитель папки удрученно умолк, постепенно впадая в какой-то полугипнотический транс, и Скорцени, который только-только входил в следовательский раж, вынужден был какое-то время терпеливо, просто-таки с ангельским многотерпением, ждать, когда же он вновь вернется к суровой действительности.

– Так что же вы опять умолкли, вещатель рейх-атланти-

довских истин? – наконец напомнил он Ридэ, что даже у первого диверсанта рейха терпение небесконечно.

– Жду следующего вопроса.

– Какого еще вопроса? От вас требуется только одно: говорить! Не умолкая, говорить! Я просто жажду услышать из ваших уст, кто же он, к дьяволу, таков, этот ваш Шульпихтер! – наконец подался к нему через стол герой нации – освободитель Муссолини.

– Шульрихтер, – мужественно уточнил хранитель, не решившись, однако, напомнить герою нации, что вопроса об обер-лейтенанте все же не прозвучало. – Уже никто. Но именно он был хранителем.

– Все той же, одной-единственной папки?

– В общем-то да, одной-единственной. Которую обязан был постоянно пополнять, предъявлять и охранять; не говоря уже о том, что он наизусть обязан был помнить шифр сейфа, в котором эта всемогущая папка хранится, и старательно записывать имена всех тех, кто интересуется ее материалами. И еще. Инструкцией предусмотрено, что в случае необходимости он обязан был погибнуть вместе с сейфом и папкой. Поскольку сейф, как вы уже поняли, заминирован.

– И что, – подался Скорцени к доктору Ридэ через стол, – хотя бы эту, единственную мало-мальски важную обязанность свою, он все же выполнил?

– Эту – нет, я знаю точно.

– Наконец-то, хоть в одном вопросе вы меня просветили.

Итак, хранить папку, пополнять папку... Ничего не скажешь: широчайший круг! – не мог отказать себе в иронической ухмылке Скорцени. – Особенно если учесть, что на фронте катастрофически не хватает солдат, а в концлагерях – закаленной рабочей силы.

– В моем сейфе можно обнаружить еще несколько папок, но все они – всего лишь приложение к папке «Базы-211», – попытался спасительно уйти от этой темы доктор Ридэ.

– То есть вы не являетесь хранителем архива всего института «Аненербе»?

– У института есть свой хранитель архива... – облизал губы от волнения Ридэ, и Скорцени вдруг понял, что этот «доктор» вряд ли знает, что такое фронт, иначе не был бы таким трусливым; но уже прекрасно знает, что такое лагерь. И лагерьный номер свой наверняка еще помнит. – В этом нетрудно убедиться: в «Аненербе» действительно есть свой хранитель... – решил Ридэ, что Скорцени ищет подходы к сейфам всего института, а не только к сейфу «Базы-211».

– ...Однако у него нет доступа к сейфу с папкой «Базы», – прервал его штурмбаннфюрер. – Что вы блеете, доктор Ридэ? Отвечайте четко и ясно. Доступа к этой папке у него нет. Я прав?

– И никогда не было.

– Вот это уже ответ. Кто же тогда стал составителем этого досье? Кому выпала такая честь – быть первым летописцем Новой Швабии?

– Уже известному вам обер-лейтенанту Курту Шульрихтеру.

– Почему именно ему? Почему у истоков этого досье оказался какой-то безвестный обер-лейтенант, да к тому же с такой дурацкой фамилией? Чем он вызвал особое доверие у Геринга, Гиммлера, гросс-адмирала Редера и всех остальных?

– Прежде всего у Геринга. Или, точнее, только у Геринга. Он-то как раз и был тем пилотом, который заметил нечто необычное на одном из скалистых участков Новой Швабии и который вынужден был посадить свой самолет, когда его буквально прижал к ледовой поляне солнечный диск.

– Кто-кто его... прижал? – приподнялся со своего места Скорцени, решительно упираясь кулаками в поверхность стола.

– То, что еще древние называли солнечным диском, и что лично я предпочитаю называть диском пришельцев.

Присвистнув от удивления, Скорцени вновь погрузился в свое кресло и несколько секунд смотрел на доктора Ридэ с полуоткрытым ртом.

– Еще раз, дружище Ридэ: где именно и при каких обстоятельствах это произошло?

– Пилоты диска заставили обер-лейтенанта посадить свой самолет у одного из тайных входов в подземную Антарктиду, которую до того времени считали исключительно своей, недоступной для землян территорией.

Скорцени вновь уселся в свое треноподобное кресло, долго и задумчиво разрывал ногтями исполосованную шрамом щеку, а затем, предложив Ридэ присесть на один из стульев у приставного столика, кнопкой звонка вызвал Родля.

– Взорвите-ка весь этот чертов монастырь, поставьте его вверх ногами, но принесите нам бутылку коньяку и с десятков бутербродов.

– Вы хотите продолжить разговор в этом кабинете, – провёл руками вокруг себя доктор Ридэ, явно предупреждая о том, что здесь их прослушивают, – и за рюмкой коньяку? Но инструкцией это запрещено.

Скорцени вопросительно взглянул на Родля, затем на хранителя и вновь на Родля. Сейчас он решал для себя, как поступить. Он, конечно же, мог бы демонстративно проигнорировать это дружеское предупреждение Ридэ и продолжить разговор, но понимал, что на этом откровения хранителя закончатся.

Возможно, что он и так уже сказал намного больше того, что ему было разрешено Герингом или кем-то из приближенных рейхсмаршала. А сказал потому, что забыл о возможности прослушивания в этих стенах точно так же, как забыл об этом и он сам, шеф диверсантов.

– В таком случае, – первым нашелся Родль, – нам следует прервать эту встречу и пообедать в одном из ближайших ресторанчиков.

– Без меня, – нарочито громко предупредил Ридэ.

– Да и господину хранителю тоже пора перекусить, – отреагировал на это замечание адъютант. – Но только в отведенной ему комнате. – И, взмахом руки призывая доктора Ридэ к выходу, проговорил: – Машина, господин штурмбаннфюрер, ждет вас у подъезда.

– В какое бы рейхоугодное дело вы ни втягивали меня, адъютант Родль, – проворчал Скорцени, выходя на улицу, – я всякий раз начинаю чувствовать себя полуразоблаченным заговорщиком.

16.

Январь 1939 года. Антарктика. Борт субмарины «Атлантис».

Когда барон фон Риттер вышел на палубу подводной лодки, перед ним предстало самое удивительное зрелище из всех, которые способны были предстать на этом далеком ледовом предбрежье. Субмарина только что прошла через узкую горловину обледенелых с наружной стороны скальных ворот, за которыми осталось поле пакового льда, и, немного пропетляв по извилистому фиорду, вошла в темно-синюю гладь свободного ото льда антарктического оазиса.

– Как вам это зрелище? – поинтересовался Консул, спускаясь палубным трапом вслед за фон Риттером.

Прежде чем ответить, капитан цур зее удивленно осмотрелся: на слегка парующем зеркале залива не было ни одной льдинки. Озерцо оказалось довольно маленьким, причем нависающие над ним скальные берега, тоже свободные на внутренних склонах ото льда, еще больше суживали его, как бы защищая внешним ледовым панцирем от любопытствующего взгляда с высоты.

Пилоты могли десятки раз пролетать над этим оазисом, то ли не замечая его, то ли не придавая значения взблеску синевы на дне глубокой арктической воронки. Впрочем, поду-

мал барон, откуда им здесь взяться, этим самолетам, кроме разве что гидроплана гауптштурмфюрера Эриха Крозетта, который, вместе с остальными офицерами «Швабенланда», терпеливо ждал его возвращения на борту авианосца.

– Впечатляет, не прими, океан, душу мою!

– Да, впечатляет. Даже меня, кому приходилось бывать здесь множество раз.

– У этого антарктического рая наверняка существует какое-то наименование?

– Атланты называют его Лунным Озером.

– Только так его и должны были назвать, – охотно согласился фон Риттер. – Лунное озеро – посреди покрытой вечными многометровыми льдами Антарктиды! Прелестное, не прими, океан, душу мою, название!

– Именно в нем Правитель Внутреннего Мира впервые встретился с Консулом Звездного Мира, который стал их Небесным Покровителем, точнее будет сказать стал представителем расы Небесных Покровителей во Внутреннем Мире, в мире Подземной Атлантиды.

– То, что вы сейчас говорите... – это серьезно?

– Значительно серьезнее, нежели вам кажется, барон фон Риттер.

– А то, может, самое время ущипнуть себя и проснуться?

– Вы еще даже не засыпали. Однако реакция ваша была предвидена и спрогнозирована нами, поэтому-то вводить вас и ваших последователей в реальность Внутреннего Мира мы

будем постепенно, морально и психологически подготавливая к иному восприятию строения и предназначения планеты Земля, иному восприятию мира, иному пониманию истинного, космогонического призвания человеческой цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.